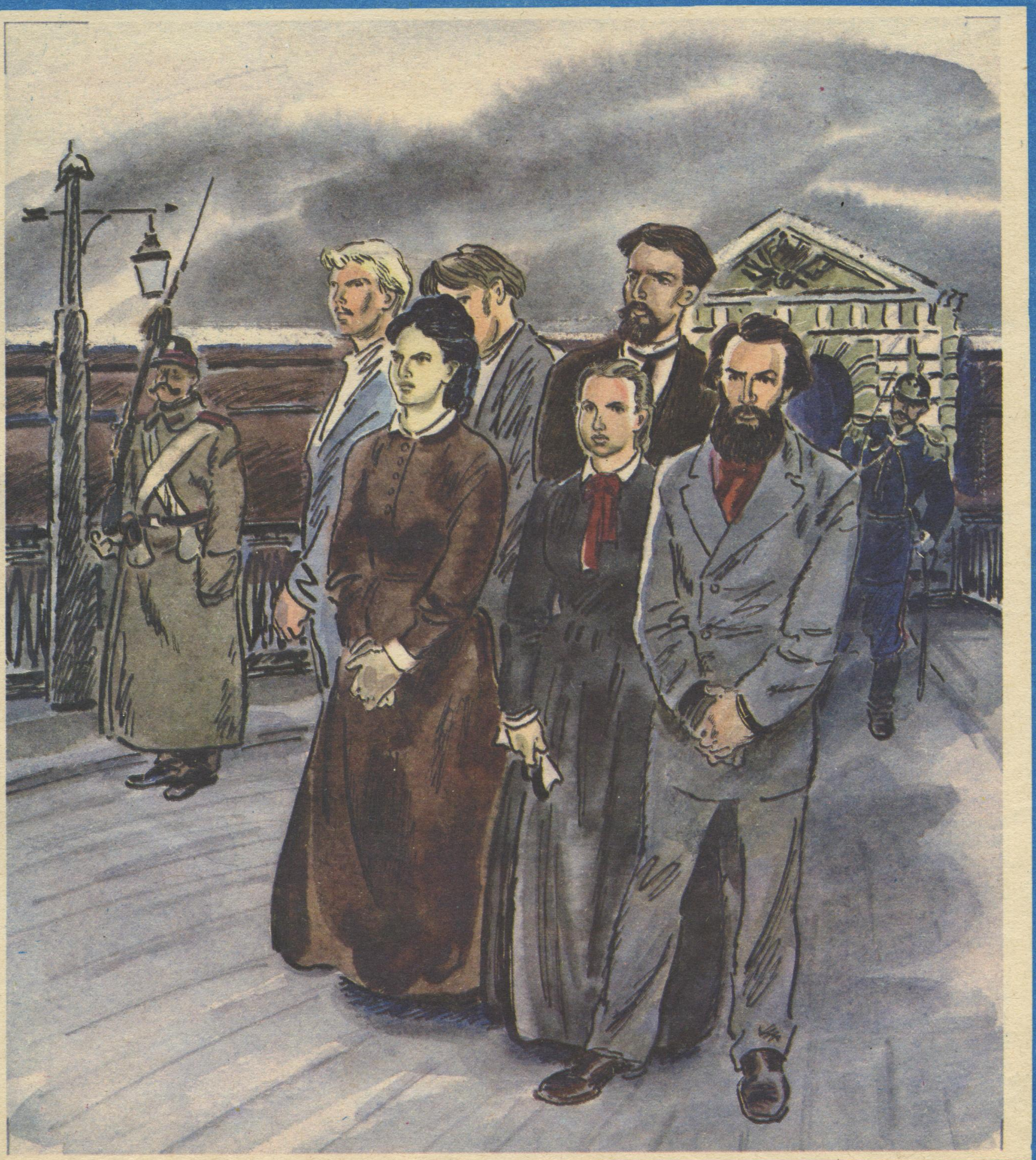
ISSN 0130-2574

КОСТЁР

11

НОЯБРЬ 1985

КОСТЁР

11

НОЯБРЬ

1985

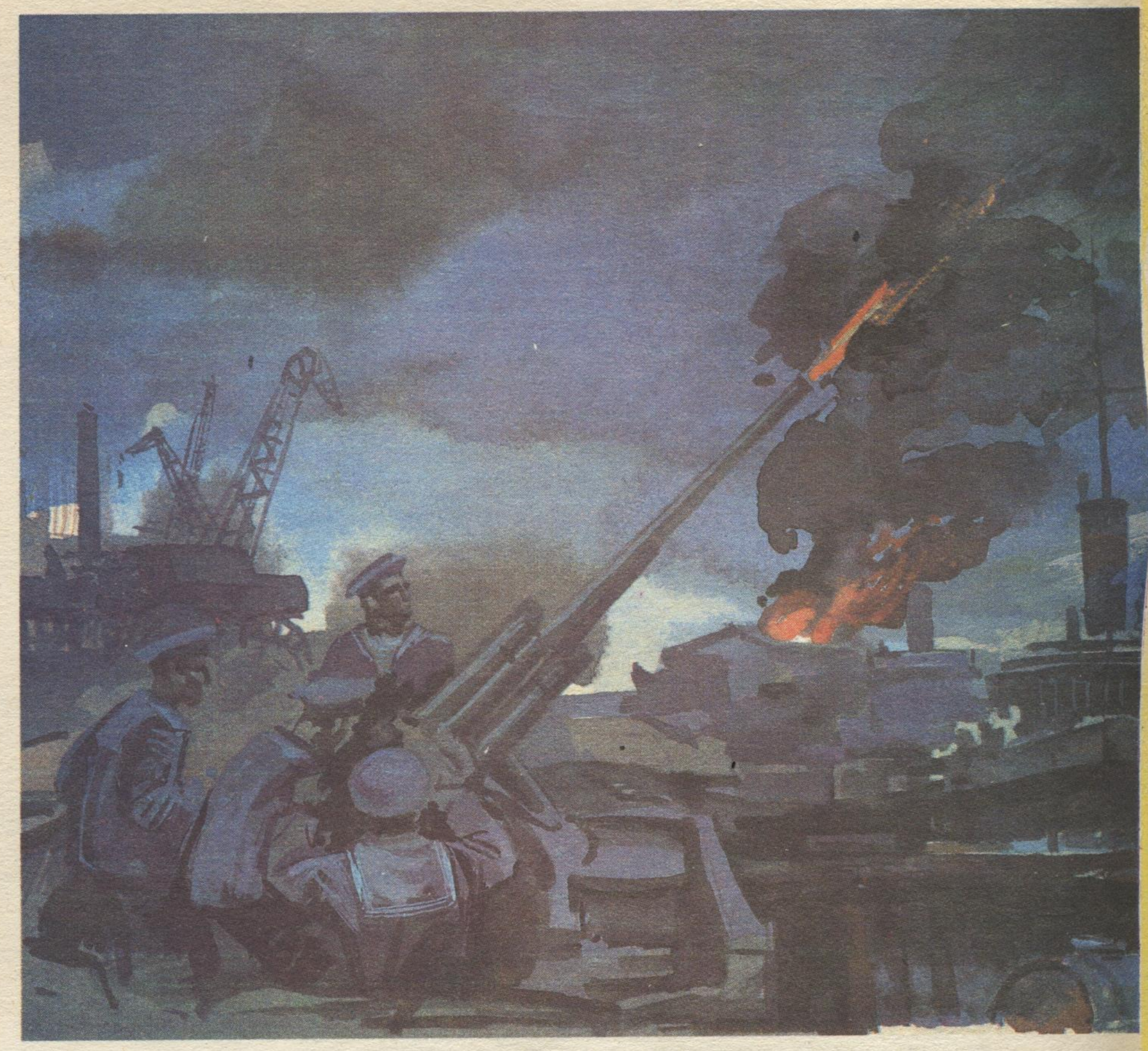
Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ

Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации им. В. И. Ленина

Союза писателей СССР

Издается с 1936 года

© «Костер», 1985 г.

ЖУРНАЛ ПЕЧАТАЕТ:

Капитан в красном галстуке
очерк И. Быховского — 1

Я — шофер такси
отрывок из повести И. Шенгера — 3

С добрым утром, буренки!
заметка Л. Залозиной — 6

Стихи твоих ровесников — 8

Генерал
рассказ К. Курбатова — 9

Барабан — 14

Девушка с фотографии
очерк А. Назарова — 21

Архитектор Бугаев
отрывок из повести Г. Вахниной — 24

Бой, каких не бывало
очерк И. Лисочкина, В. Суслова — 27

Фабрика подземного тепла
очерк А. Соснова — 28

Электроник — 30

Чужая уздечка
рассказ А. Устарханова — 32

Что такое ГАОС!
очерк М. Белоусова — 33

Лоцман с Миссисипи
очерк Н. Внукова — 36

Зеленые страницы — 38

Продолжение следует
А. Ефремов — 40

Веселый звонок — 42

Арчебек — 47

На обложке рисунок А. Лямина к очерку А. Назарова «Девушка с фотографии»

КОМИССАРЫ ТВОЕГО ДЕТСТВА

КАПИТАН В КРАСНОМ ГАЛСТУКЕ

Моя дружба с Сашей Матвеевым началась в двадцать восьмом году, когда мы учились в ленинградском высшем военно-морском училище им. М. В. Фрунзе. Что нам помогло сдружиться? Наши биографии были как две капли воды похожими. Оба с детства мечтали о море, оба до училища работали на заводе и даже комсомольские поручения имели одинаковые. Я был вожатым в Пионердоме Замоскворецкого района Москвы. А Саша, он жил в Ленинграде, организовал один из первых пионерских отрядов Петроградской стороны.

Конечно, в училище жизнь наша круто изменилась: напряженные занятия, новые друзья и интересы. Увольнения только с субботы на воскресенье, иногда в среду, на несколько часов. И что удивительно, мой друг в эти редкие увольнения продолжал ходить в подшефный отряд.

Хорошо помню, как однажды он пришел из увольнения, а поверх форменки у него был повязан красный галстук.

— Курсант Матвеев, почему нарушаете форму одежды? — спросил начальник курса Николай Александрович Луковников.

— Товарищ начальник, в увольнении я был у своих пионеров.

— Работа с пионерами — дело нужное, — сказал Луковников. — Доложите о ней на комсомольском собрании. Думаю, у вас найдутся последователи. Но форму одежды не нарушайте.

Летом курсанты училища выезжали на практику. Все с нетерпением ждали похода на «Авроре». Знаменитый крейсер входил в отряд учебных кораблей Балтийского флота.

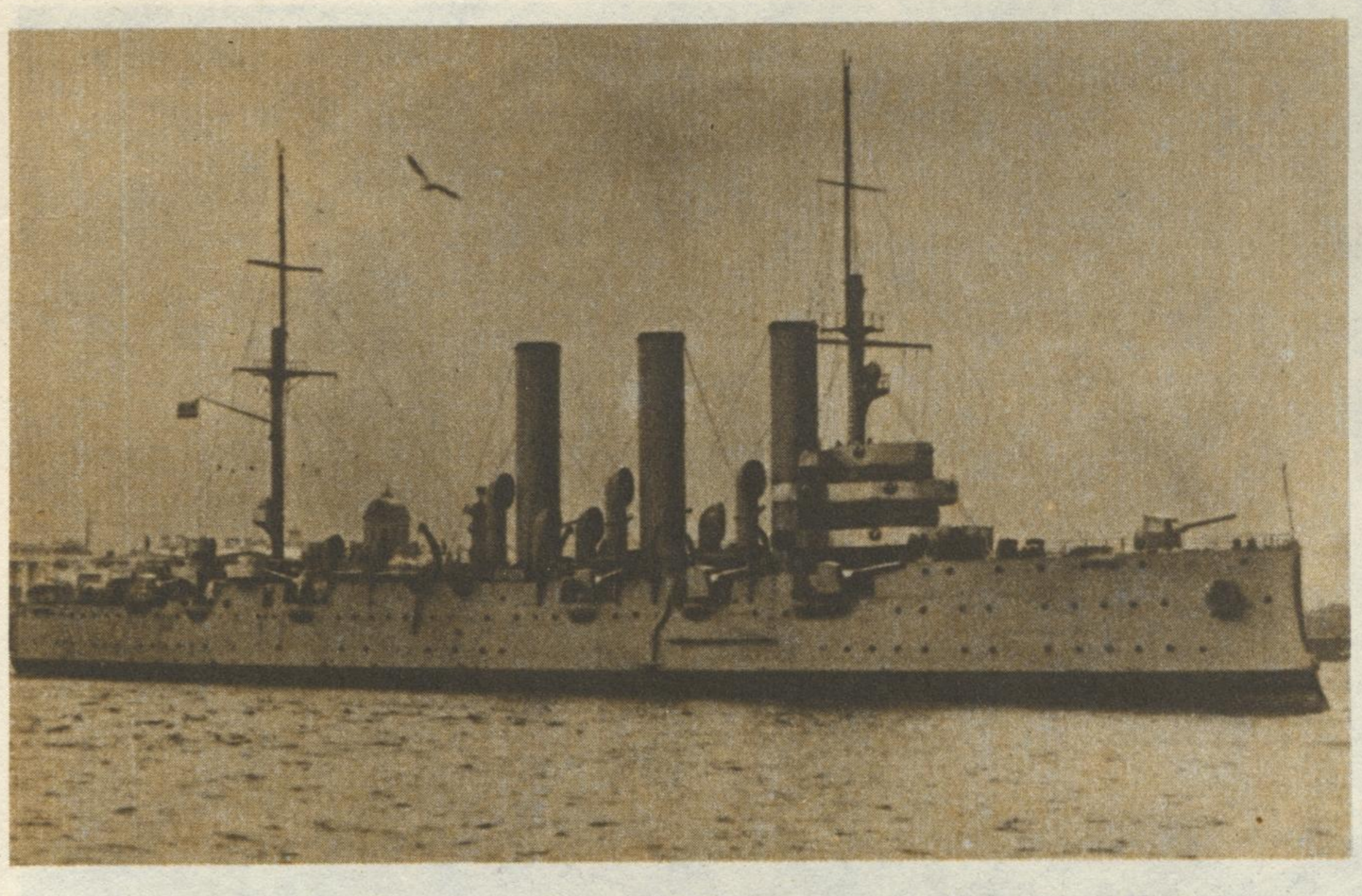
И вот наконец мы идем на «Авроре» в Норвегию и Данию. А прежде, чем идти в поход, нужно за два дня погрузить 900 тонн «чернослива» — так моряки в шутку называли каменный уголь. Носили его в мешках и корзинах. Это был тяжелый труд. Чтобы дело спорилось, с утра до вечера корабельный оркестр играл на палубе бодрые марши.

В походе курсанты стояли на руле, обслуживали различные механизмы, участвовали в приборках и авралах, учились сигналопроизводству и другим морским наукам.

— Вам надо на себе испытать все работы, которые выполняет на корабле матрос,— говорил начальник курса Луковников, — без этого нельзя стать хорошим командиром.

В ту пору о Советском Союзе, единственном в мире социалистическом государстве, сочиняли небылицы во многих буржуазных газетах. И простые люди искренне удивлялись; им писали о дикарях-голодранцах, а они видели аккуратно одетых, вежливых моряков.

В Норвегии мы встретились на «Авроре» с Александрой Михайловной Коллонтай —

Ветерану Военно-Морского Флота СССР Александру Ивановичу Матвееву, предложившему установить Краснознаменный крейсер „Аврора" на вечную стоянку.
„15" января 1967 г. Командир Краснознаменного крейсера „Аврора" капитан 3 ранга (Ю. И. Федоров)

первой женщиной, которая стала народным комиссаром и дипломатическим послом. Было ей тогда за пятьдесят. Но была она так обаятельна и так интересно рассказывала о революции и Владимире Ильиче Ленине, что мы, двадцатилетние мальчишки, все влюбились в нее и слушали с открытыми ртами. Александра Михайловна говорила, что наш корабль — частичка советской страны, а мы — полпреды первого в мире социалистического государства.

Когда мы стояли в Осло, на «Авроре» с утра до вечера толпились норвежцы. Наши катера сновали от крейсера к пристани, перевозя новые партии людей. А очередь на экскурсию не уменьшалась. Особенно норвежцы интересовались нашим морским клубом — «центром коммунистической пропаганды» и «хлеборезкой». Но если интерес к клубу был, как говорится, ясен и понятен, то интерес к хлеборезке следует объяснить. В Скандинавии не пекли черного хлеба, поэтому всем хотелось его попробовать. Мы видели роскошно одетых богачей, которые смаковали кусочек черного хлеба, как невиданное лакомство.

«Абуба» — так называли норвежцы «Аврору», читая русские буквы по-своему.

А перед нашим визитом в Копенгаген одна из местных газет, сообщая об этой новости, рассказала не только о том, что это — первый советский корабль, который смогут увидеть датчане, но и о той роли, которую он сыграл в дни Октябрьской революции в России.

В тот день на молу при входе в гавань собралось много рабочих с красными флагами. Красными флагами и пением «Интернационала» они радостно приветствовали «Аврору».

В дни нашего похода курсанты не только несли вахту на корабле, но и были экскурсоводами — водили по крейсеру группы гостей. А еще мы с Сашей выпускали стенную газету «Авроровец» и много фотографировали. Фотоделом увлекались еще с «вожатских» времен.

Был у нас на «Авроре» и четвероногий пассажир — медвежонок Маша, подарок абхазских комсомольцев. Маша знала все команды. Ежедневно прибегала на «разводку» и ходила рядом с боцманом, пока он «разводил» курсантов на работы. Быстрее всех она бежала по команде на обед и первой получала от кока свою порцию.

Интересна дальнейшая судьба медвежонка. Когда Маша выросла, командир крейсера приказал сдать ее в зоопарк. Помню, Матвеев рассказывал, как ходил навестить Машу, и как она его увидела и встала на задних лапах по стойке смирно. Стоять смирно она научилась еще на крейсере, а в зоопарке так реагировала на каждого посетителя, одетого в морскую форму.

О заграничных походах на «Авроре» мы потом долго вспоминали. Бережно хранили сделанные в плаванье фотографии. А годы шли, и настал день, когда мы расстались и с крейсером, и с училищем, и с Ленинградом.

Александр Матвеев и я в числе первых выпускников училища поехали на Дальний Восток. В тридцать шестом году мой друг уже командовал подводной лодкой Щ-114. Экипаж этой лодки установил мировой рекорд плаванья под водой. Норма непрерывного пребывания на глубине в то время составляла трое суток. А Щ-114 находилась под водой целых двенадцать суток. Газета тогда писала: «Фантастика жюль-верновского «Наутилуса» и его капитана Немо бледнеет перед действительной жизнью наших подводников». Нужно было проявить много выдержки и мужества, чтобы пойти на риск и выяснить в эксперименте возможности советских подводных лодок.

С «Авророй» наша следующая встреча произошла перед войной, когда нас перевели на Балтийский флот. Как плавбаза она входила в состав соединения подводных лодок, которым командовал Александр Иванович Матвеев. С «Авроры» подводники уходили в море, а возвращаясь, швартовались к ее борту.

Так крейсер доживал свой век. Механизмы его были изношены, котлы и машины выведены из строя, но корпус еще был в хорошем состоянии. Различные комиссии решали судьбу корабля и нашли, что дальнейшее использование «Авроры» невозможно, ее нужно отправить на слом.

Матвеев не раз говорил:

— Обидно, что исторический корабль превратили в общежитие. «Аврора» достойна быть музеем!

А в январе сорок первого года Александр Иванович показал мне письмо, которое написал народному комиссару Военно-Морского Флота с предложением установить «Аврору» на вечную стоянку как корабль революции. Вскоре мы с радостью узнали, что предложение Матвеева встречено положительно. Но осуществить его помешала война.

Война разбросала нас по разным флотам и фронтам. Но из писем я знал, что сначала Матвеев был начальником штаба Новороссийской военно-морской базы, затем командиром Астраханской военно-морской базы, а в конце войны его снова перевели на Балтику, где он участвовал в освобождении Моонзундских островов.

А что же с «Авророй»? Войну она встретила в порту Ораниенбаума (теперь город Ломоносов). Пушки с корабля были сняты. Они находились на переднем крае обороны Ленинграда, где авроровцы вели огонь по наступающим фашистам.

Во время блокады города Ленина фашисты много раз пытались уничтожить легендарный крейсер, но сделать это им не удалось. В те дни «Аврору» защищали не только авроровцы. Вместе с моряками рабочие города залатали в корпусе корабля более полутора тысяч пробоин.

А потом пришла Победа. И когда после окончания Великой Отечественной войны мы встретились с Александром Ивановичем, нам было ясно: час установки «Авроры» на вечную стоянку уже близок. И 7 ноября 1948 года крейсер революции «Аврора» встал на Неве, возле Нахимовского училища, чтобы стать музеем и учебным кораблем для самых юных моряков.

Продолжал свою службу на флоте и капитан 1-го ранга Александр Иванович Матвеев. Многие годы он командовал соединением кораблей Балтийского флота, преподавал в Военно-морской академии и военных училищах. А выйдя в отставку, активно работал в Географическом обществе Академии наук СССР. Написал книгу об истории Моонзундского архипелага. Любил путешествовать — объездил почти всю страну.

Александр Иванович был энергичный, веселый и много знающий человек. Но, пожалуй, самым примечательным качеством Матвеева было его умение дружить и дорожить дружбой. И особенно много друзей было у него в 301-й ленинградской школе. В той самой школе, где он когда-то сам учился и организовал первый пионерский отряд.

Как-то ноябрьским днем я встретил Александра Ивановича на набережной Невы и спросил, куда он так спешит.

— Как куда? — ответил Матвеев. — На «Аврору». Будем принимать ребят в пионеры.

И. БЫХОВСКИЙ,
бывший командир
подводной лодки «Пантера»

Я — ШОФЕР ТАКСИ

И. ШЕНГЕР

Рисунки Н. Котляревского

Я — шофер такси. Площади и улицы Ленинграда — мое рабочее место. Я — за рулем: проносятся мимо дома, сады, мосты... Кто спешит, опаздывает, кто устал, у кого тяжелый груз, у кого заботы — позови меня, и я явлюсь в любом часу дня и ночи. Я слежу за дорогой. Думаю. Вот мой путь преградил шлагбаум. Я жду, пока пройдет товарный поезд, и вспоминаю.

В далеком детстве мне часто снился один и тот же сон. Будто сижу за рулем небольшого легкового автомобиля и разъезжаю в нем по собственной комнате. Места в комнате мало, развернуться я не мог, и поэтому ездил только взад-вперед. Но и такая езда доставляла большую радость.

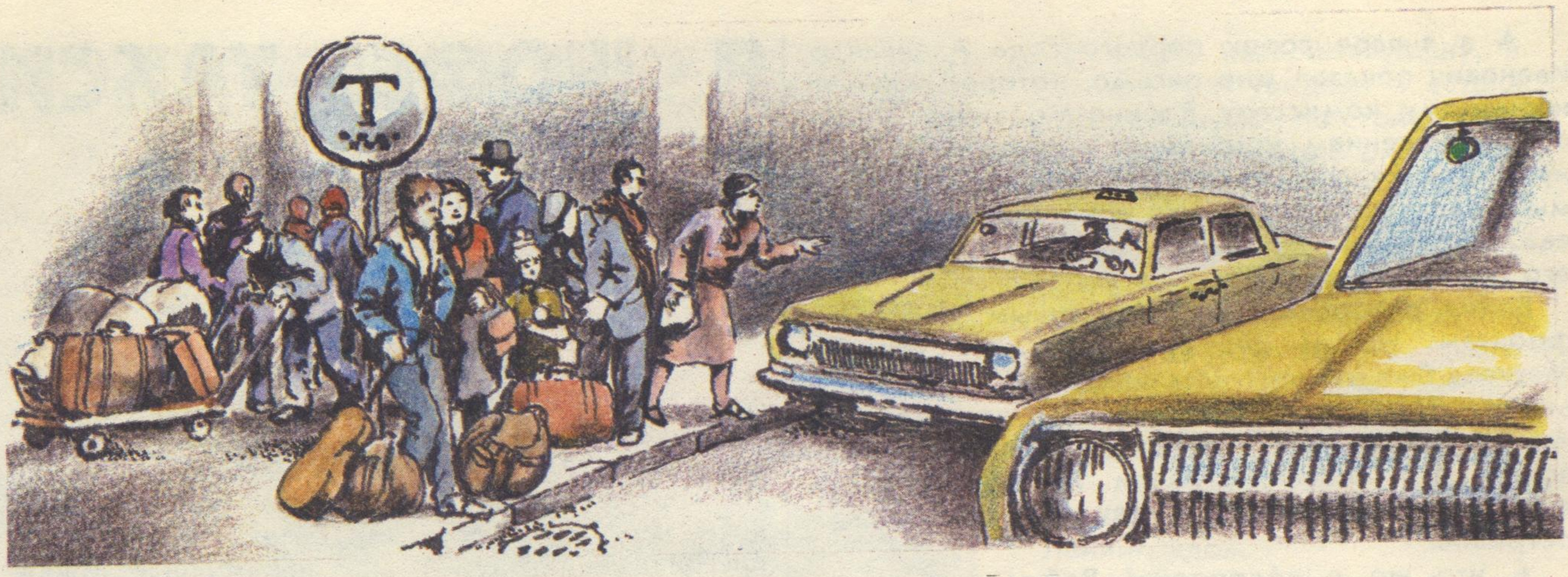
Очень я любил этот сон. Не сразу, но сон мой сбылся. Я нашел себя.

Грубо все профессии можно поделить на три большие группы: профессии ума, рук и характера. Профессия шофера — это профессия характера. Ум необходим, чтобы воспринять всю полноту ответственности профессии. И какие здесь нужны руки! Но характер на первом месте.

«Ха! Ты называешь это работой! Крути руль — вот и все». Так сказал мне один пассажир. Но так мог сказать лишь тот, кто за рулем никогда не сидел.

И как завершение шоферских качеств — это уравновешенность, умение владеть собой в любой ситуации. Годы, проведенные за рулем, вырабатывают профессиональное спокойствие, умение управлять страхом, эмоциями. Эти свойства проступают даже в чертах лица. Шофер исполнен невозмутимости. Выдержанность в шофере я уважаю больше всего. И еще взгляд — цепкий, ухватистый, быстрый, мгновенный. Взгляд-хват. Взгляд, успевающий все разглядеть, оценить в сутохе городских улиц, в темноте многокилометрового ночного шоссе.

Хорошо, что я не стал обгонять грузовик-тихоход на опасном повороте. Что-то случилось с мотором. Только что он работал на полную мощность, спокойный, ровный гул говорил о том, что все в порядке, а тут вдруг наступила тишина. Теперь машина катилась по инерции. Я крутанул руль вправо и остановился на обочине. Повернул ключ в замке зажигания, стартер вращал двигатель, но едва я отпускал ключ, как двигатель останавливался. Ничего не получалось. Сломалась одна маленькая, но очень важная деталька. Без нее электрический ток не сможет попасть к свечам зажигания, пары бензина в цилиндрах двигателя не воспламенятся, двигатель не станет работать.

Запасной детальки у меня не оказалось.

Что же делать?

Дорогу, на которой я находился, не назовешь оживленной. Редко-редко пройдет машина. И снова дорога пуста.

Приближался вечер. Огромная дождевая туча шла по небу. Настроение мое что-то стало ухудшаться. Сколько придется здесь отдыхать? Может быть, до утра? Моей особой уже заинтересовались комарики. Сейчас они сообщат своим дружкам, что появилась лакомая добыча. Правда, я всегда вожу спички, на всякий случай. Так что с комариным войском мы управимся. Разведу костер...

Сквозь комариный писк ухо различило звук мотора. Из-за сосен показался голубой ЗИЛ. Он медленно приближался.

Остановится или пройдет мимо? Руку я не поднимал. Чего поднимать! И так каждому должно быть понятно, что человек не по своей воле посреди леса комаров кормит.

Голубенький ЗИЛ поравнялся со мной. Из кабины высунулся молодой шофер.

— Что случилось?— улыбнувшись, спросил он.

И вот на надежном тросе меня повлекли к родному автопарку, на Белоостровскую улицу.

Когда я учился профессии шофера, то первое время ощущал машину, как живое существо. Меня поражало, что машина с а м а движется. Происходящее казалось чудом, хотя я знал, как это «чудо» происходит. Да и теперь, столько лет просидев за баранкой, я отношусь к ней, как к чуду. Для меня «Волга» всегда, каждый день, создание ума, таланта, труда стольких людей. И я стараюсь быть достойным своей машины.

Вижу — громадный «Икарус» медленно переваливается через трамвайные рельсы на Садовой улице и направляется к остановке. С тротуара, не поглядев по сторонам, соскакивает мальчишка. Шофер «Икаруса» тормозит, но слишком мало расстояние. Мальчик упал. К счастью, скорость «Икаруса» была небольшой. Мальчик, кажется, не пострадал, видимо, сильно испугался, все же надо, чтобы его осмотрели врачи. Бегу к будке телефона-автомата.

— «Скорая»! «Скорая»! Автослучай! На Садовой улице сбит пешеход.

Мой сменщик заканчивал работу. Был ненастный октябрьский вечер. Николай встал на перекрестке, дождался зеленого сигнала светофора, тронулся с места. Но тут из темноты выскочила грузовая машина ГАЗ-53. Столкновения избежать не удалось. Николай с рассеченным лбом попал в больницу.

Дорога — друг шофера. Бежит навстречу серая лента асфальта, несет тебе радость и испытания. Но друг со сложным характером. Пошел дождь, и на мокрой дороге тормозной путь автомобиля увеличился. Помни об этом, шофер! Дорога обледенела — будь начеку, иначе беды не миновать. При гололеде машина может стать неуправляемой, а тормозной путь увеличится в несколько раз. Если нажать на педаль тормоза при скорости 60 километров в час на сухом асфальте, то машина остановится через 27 метров, а на обледенелой дороге при той же скорости машина до остановки пройдет уже 145 метров!

Когда на дороге много воды, передние колеса автомашины могут как бы всплыть, сцепление колес с дорогой исчезает, колеса даже могут перестать вращаться. Тогда, как ни крути рулем, машина будет двигаться прямо.

Посмотрите на покрышки автомашины. Вы увидите узоры-канавки. Сделаны они не для кра-

соты, а для того, чтобы сцепление колес с дорогой было лучше. Когда колеса пробегут несколько десятков тысяч километров, эти узоры сотрутся. Покрышка станет гладкой. Шоферы в шутку говорят, что покрышка стала лысой. На таких лысых покрышках ездить нельзя: машину занесет, развернет, опрокинет, перевернет.

Люблю работать в любую погоду. Конечно, приятнее летом, в тепле, по сухому асфальту, но и зимой в гололед, когда ты сильнее ощущаешь свое мастерство, свою власть над машиной. Пусть колеса выписывают кренделя на повороте, ты заставишь машину выровнять бег.

Какая сказочная картина, когда в сильный снегопад мириады крупных снежинок несутся навстречу машине в свете фар. Летят прямо в стекло, но когда почти коснулись его, воздушный поток отбрасывает их прочь. А из ночной тьмы летят белее белого (в контрасте с темнотой) новые хлопья снега. Осенние листья, устилающие дорожки Каменного острова, любят бегать взапуски с моей машиной. Ветер врывается в мою машину и поет мне свои буйные, неистовые песни. Дожди омывают стекла. Солнце греет, бодрит, радует, припекает. Белые ночи раскрывают небеса. Все погоды хороши. Каждая несет радость и неповторимость.

Есть дорожный знак, который предупреждает шоферов, что поблизости водятся дикие животные. Но с дикими животными встречаешься редко. Разве что лось выбежит на дорогу.

Зато уток в городе становится все больше. Кажется, утки поняли, что теперь город самое безопасное место. Охотники похаживают рядом, но за ружье не возьмешься... Я видел, как на дорогу выбралась утка. За ее хвостом пристроились пять или шесть утят. Утка с утятами не спеша пересекла дорогу, а все машины остановились и ждали, когда прошествует утиная семейка.

Темно. Еду ночью лесной дорогой. Вдруг впереди выскочил заяц и понесся в свете фар.

— Дави его!— в охотничьем азарте закричал мой пассажир.

Но я не прибавил, а сбавил скорость. Вскоре зайчишка вильнул и пропал в темноте. Через час я возвращался той же дорогой. И на том же месте меня снова встретил заяц. Привет, косой!

Профессия шофера — профессия мужская. Тут, вроде бы, и спорить нечего. Но, оказывается, не все согласны с этим утверждением. Кто же не согласен?.. Сами женщины!

Среди шоферов немало женщин. Они трудятся наравне с мужчинами.

Как выглядит газогенераторный автомобиль? Теперь это мало кто знает. А в грозное военное время газогенераторные машины колесили по Ленинграду. Если сказать чуть в шутку, то это грузовик, который возит на себе большую круглую печку. Вьется синий дымок. Чудеса, Емеля на печи да и только.

Елена Марьяновна Никонова в юности хотела стать врачом, но началась война, медицинское училище эвакуировали, а Лена не захотела расставаться с мамой и осталась в Ленинграде. Поступила на курсы шоферов.

В блокадном городе работал всего один автопарк на Люботинском проспекте, в нем было 100 газогенераторных машин, работавших на деревянных чурках. Чурки, медленно сгорая, превращаются в газ. Газ поступает в двигатель. Как-то чурки кончились в пути, пришлось Лене ломать ближайший заборчик. Так на заборчике и поехала дальше.

От Нарвских ворот отошел трамвай. Вслед за ним почему-то метнулась женщина, отстала, вскрикнула.

Я в этот момент проезжал мимо. Затормозил.

— Что случилось?

— У меня там маленький ребенок. Я вышла, а он...

Все было понятно с полуслова. Я открыл дверцу.

— Садитесь!

На ближайшей остановке, на проспекте Газа, мы догнали трамвай. Женщина побежала к первому вагону. Моя «Волга» развернулась и покатила своим путем.

Стрелка указателя уровня бензина приближается к середине шкалы. Нужно бы пообедать. Еду медленно. Посматриваю по сторонам — нет ли где вывески столовой.

На краю тротуара девушка. Голосует.

— Пожалуйста, в Пушкин.

Пропал мой обед.

Из Пушкина пустым рейсом возвращаюсь в Ленинград.

Перекусил в молочном кафе...

— На Тракторную.

— Попрошу, на Юго-Запад.

— В Купчино...

Время поджимает. А еще надо заправить бензобак. Подъезжаю к заправочной станции на Лиственной улице. Нет бензина. Еду на Поклонную гору. Тут длинная очередь. Ничего не попишешь, оставить сменщика без бензина — последнее дело. Отстоял очередь. Бак залит. Я, как муравьишко, спешу в свой муравейник. На путевом листе отбиваю время на штамп-часах. Проезжаю мойку.

Завтра мой сменщик без проволочек начнет рабочий день.

Серпантином вьется пандус. С этажа на этаж, все выше. Вот и моя колонна.

— Как дела?— спрашивает дежурный.

— Все нормально.

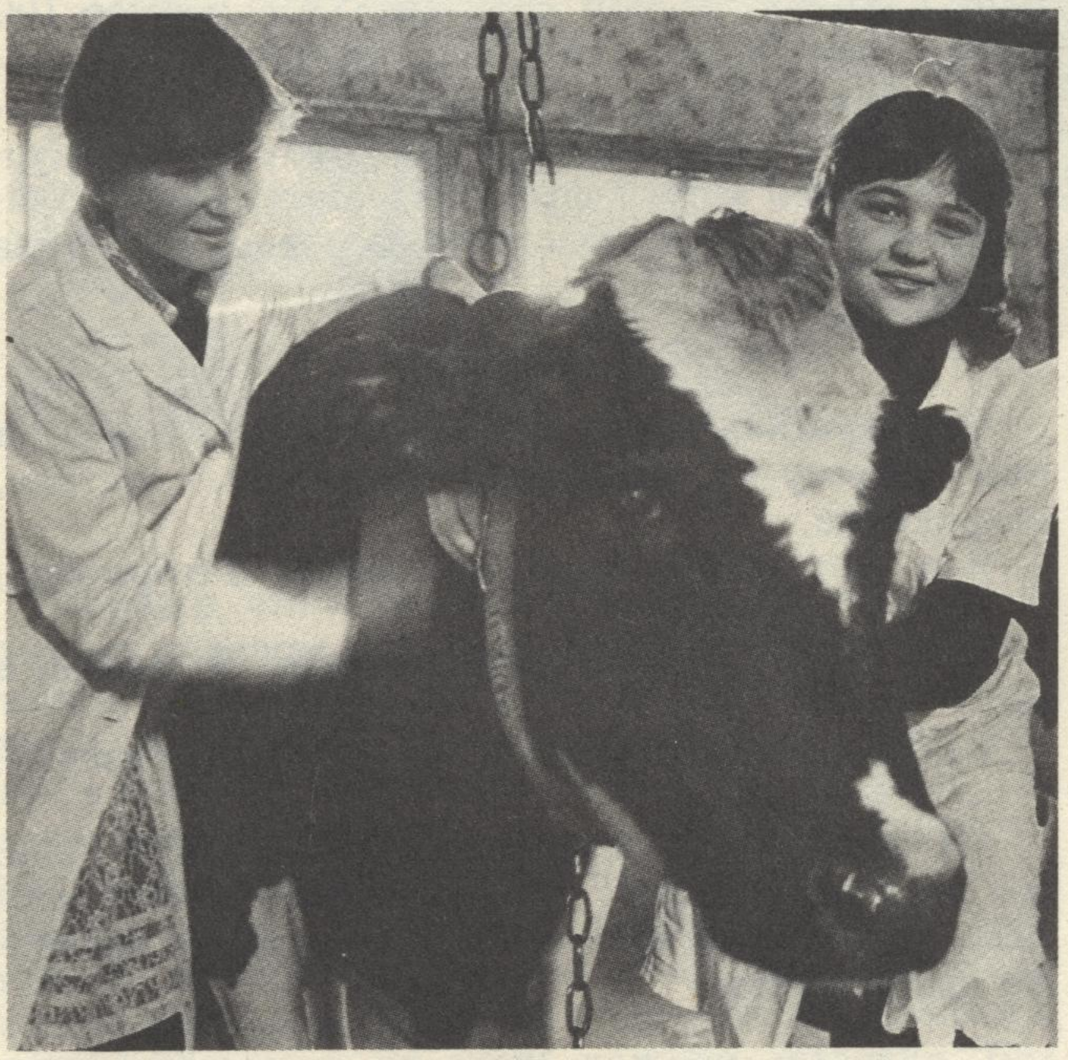
День труда закончен.

Выхожу из ворот парка. Уже далеко за полночь. Автобусы, трамваи и троллейбусы отдыхают. Сейчас единственный вид транспорта в городе — такси.

Время большого разъезда.

ПЯТИЛЕТКА В КРАСНОМ ГАЛСТУКЕ

С ДОБРЫМ УТРОМ, БУРЕНКИ!

Рано-рано утром, когда еще не погасли звезды на морозном небе, когда поселок Сельцо еще спит, по заснеженной дороге на ферму идут доярки. И каждое утро, в предрассветный час, из своих домов выбегает, спешит по тому же маршруту тройка ребят. Сегодня одна, завтра другая, послезавтра третья... Их 30 — в звене юных животноводов из Сельцовской восьмилетней школы Ленинградской области.

Все началось с того, что в школе узнали о работе Оли Чечковой на ферме. То, что она помогает маме, ни для кого не новость: Оля с пяти лет коров доить умеет. Миша Марченко, например, тоже к маме на ферму бегал — мальчишки еще посмеивались над ним.

Но однажды летом Оля сказала маме:

— Я хочу у вас поработать. Отдыхай!

И мама ушла в отпуск. Доярки сначала засомневались, потом удивились, а потом полюбили проворную девчонку.

И тогда на школьном комсомольском собрании ребята решили создать животноводческое звено «Монолит». Записали всех желающих из восьмых классов, потом к ним примкнули Сережа Ломачев и Вадик Андрианов из 7-го и Наташа Вязникова со Светой Кудряшевой из 6-го.

Пришлось поспорить с некоторыми родителями. Саша Петров горячился:

— Сами-то родители любят повспоминать: «Вот мы в ваши годы...» И мы хотим своим детям говорить: «Было такое славное время!»

Они стали приходить на ферму. Мальчишки забыли прежние насмешки над Мишей — он стал бригадиром.

Заведующая фермой, Евгения Даниловна Андрианова, наставник Валентина Александровна — тетя Валя Вязникова, доярки улыбались ребятам, но, по правде говоря, не очень верили в их затею. Ферма — дело серьезное. Не разбегутся ли? И как вообще будет теперь здесь — шум, беготня, баловство?

Но ребята принялись за дело по-хозяйски.

В раздевалке не было света, в кладовке сломался замок... Мальчишки ввернули лампочки, девочки принесли горшочки с цветами.

Шли дни. На глазах менялись ребята. Раньше слонялись без дела, секретничали. Мальчики от девочек особняком держались. Теперь доброжелательность во всем.

Однажды Оля Чечкова пришла обмотанная шарфом — простыла. Саша Петров и Витя Иванов, с которыми она работала в «тройке», стали гнать ее домой:

— Сами управимся, иди лечись.

Оля с благодарностью взглянула на ребят, но с дойки не ушла.

У Пучеглазки родился теленочек. Сережа Рыжиков время от времени куда-то отлучался. Оказывается, ходил ее проведывать.

— К ним так привязываешься,— смущенно оправдывался он.

Это понятно каждому из звена. В школе то и дело разговоры:

— Ну как у Пятнашки глаз? Поправляется?

— Сколько вчера надоили?

— ...А вы меня обратно возьмете?

Это опять Толя Плохих. Звено постановило исключить его за двойки. Толя бродит по поселку, мается. Даже мама за него просила. Но Толю обратно пока не берут. Выпускной класс! Дело в том, что дежурная бригада освобождается от школьных занятий на целый день. Но это не значит, что завтра ребята могут сидеть в классе «именинниками». С них так же спрашивают. И если случится писать контрольную по химии, не жди поблажек от Любови Евгеньевны.

Оплачивается ли труд животноводческого звена? Конечно. 13—14-летние мальчишки и девчонки получают зарплату и премию. И к деньгам относятся серьезно, с уважением.

Мамам подарки покупают. Многие наимоднейшие пластиковые лыжи приобрели. Места здесь красивые. Покататься — одно удовольствие. В Пушгоры по путевкам ездили. В Москву собираются.

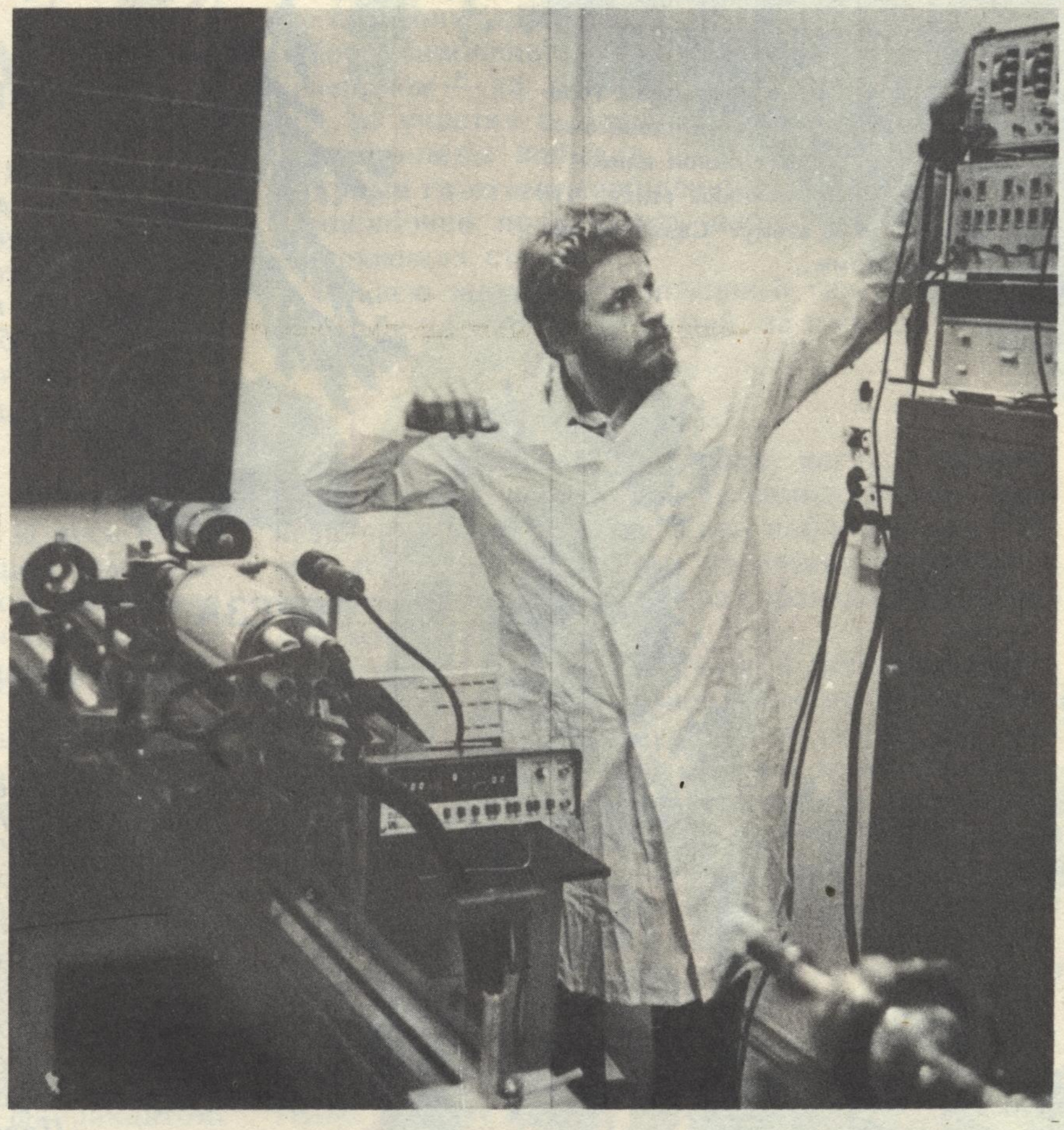
И все-таки лыжи, поездки, сувениры — это не самая главная радость, считают ребята.

Их признали! Им — почет и уважение. У них есть уже грамота и вымпел. Им прибавили еще 18 молодых телок. И, как взрослых, их приглашают участвовать в больших совещаниях. Недавно, например, они выступали на районном съезде животноводов.

Миша Марченко, Саша Петров, Сережа Рыжиков, Юра Павлов, Вова Антипов. Пятеро ребят и одна девочка — Таня Гудина — окончили школу и остались работать на ферме.

Л. ЗАЛОЗИНА
Фото О. Миронца

ЭТОТ ЗАГАДОЧНЫЙ ЛАЗЕР

На Викторе Мячине белоснежный халат. Мячин двигается по лаборатории быстрым, упругим шагом. Даже легкий ветерок веет. Полы халата чуть развеваются. Мячин собран, сжат, словно стальная пружина.

— Запуск, — коротко роняет он, щелкает тумблерами, и высокие серые шкафы, усеянные циферблатами, начинают гудеть. Быстрый взгляд на зеленые цифры, выскакивающие на экране датчика. Лоб Мячина прорезают морщины. Раздается громкий щелчок. Это лазер послал световой импульс. Он длится кратчайшее мгновение — 10^{-9} секунды. Так вот почему в этом двадцатичетырехлетнем парне стремительность — он имеет дело с такими краткими, такими мощными физическими явлениями.

Лист обычной фотобумаги Мячин подносит к прозрачному параллелепипеду кристалла, зажатому в приборе. Щелчок. Еще один. На бумаге появляются черные точки. Их становится все больше. На мой взгляд они совершенно одинаковы. Но Мячин недоволен. Он колдует у приборов, подкручивает какие-то ручки, винты. Наконец, всматривается в очередную точку, сверяется с показаниями датчиков, и довольно улыбается.

— Ну, машина, теперь ты в норме! — добродушно говорит он лазеру. — Начнем работу.

Я с невольным уважением посмотрел на сильные, красивые руки этого парня. Это руки мастерового. Если бы Мячин, закончив школу, в институте только конспекты строчил да в библиотеках сидел, таких рук и навыков у него не было бы. У Мячина позади суровая школа студенческих строительных отрядов. Знает он слесарное, токарное, фрезерное дело.

Чем же занимается Виктор Мячин в лаборатории ленинградского физикотехнического института, руководимой академиком Ж. И. Алферовым? Он занимается лазерным отжигом полупроводников, без которых немыслима современная промышленность, электроника. К ним предъявляются все более жесткие требования. Они должны быть сверхчистыми, сверхтонкими, сверхсовершенными, сверх, сверх, сверх. Но производство таких материалов становится все дороже. Даже чистота в этом производстве нужна особая. Ведь крохотная пылинка, попав на микросхему, способна испортить ее. Так родилась идея преобразовывать материал изнутри, не наращивая в нем слой за слоем, как это делают в производстве. Волшебным лучом должен стать импульс лазера.

С огромной скоростью и энергией врывается импульс в кристаллическую решетку полупроводника, изменяя ее. Происходит порой мгновенный внутренний расплав. Молниеносно и неузнаваемо изменяются свойства материала.

Импульс, еще один, еще. Виктор Мячин вынимает из зажима крохотную пластиночку арсенида галлия и кладет ее под микроскоп. Я смотрю в окуляры. То, что невооруженному взгляду виделось полированной гладью, оказывается испещренным царапинами. Но вот пятно попадания импульса лазера. И в этом круге уже нет никаких царапин — сияет ровная, как зеркало, поверхность. Это только те изменения, что произошли снаружи. Перемены в кристаллической решетке заметны только в электронный микроскоп.

В. ТЕРЕШКИН
Фото автора

СТИХИ ТВОИХ РОВЕСНИКОВ

Четверо ребят живут в одном городе — Ленинграде, учатся в одной школе — № 493, и даже в одном классе — 4-а. Все четверо сочиняют стихи. Что еще добавить к этому? Сидят за соседними партами...

ЗАПОВЕДНИК

Жил да был лесник в глуши лесной.
Он любил животных, мир зеленый,
Потому что там дубы и клены
Каждый день шумят своей листвой.
На поляну вышел гордый лось,
Из берлоги вылезли медведи.
Не поднимут руку браконьеры
На лесной зеленый заповедник.

Денис Летунов

БЕРЕЗА

Красивая растет береза.
Когда она зазеленеет,
Зеленые опустит косы
И от нее прохладой веет.
Но вот пришли туристы злые.
Они ее срубили сразу.
Красу березы угасили,
Все поломав и перемазав,
Ушли туристы в путь-дорогу.
Так много лет прошло с тех пор!
Вот пень березы понемногу
Младые ветви распростер
И ожила береза снова.

Павел Курилин

ОХОТА-НЕОХОТА

Охота мне учебник взять,
Но неохота мне решать.
Охота книжку в руки взять,
Но неохота мне читать.
Охота мне метелку взять,
Но неохота убирать.
Того гляди, умрешь со скуки —
Пойду-ка лучше я гулять.

Яна Коровина

ЧТО ТАКОЕ СЧАСТЬЕ?

Это — весь мир.
Плыть под парусом — счастье.
Смех младшего брата — счастье.
Когда семья вместе — счастье.
Когда никто не плачет — счастье.
Когда получается рисунок — счастье.
Когда распускается цветок,
Когда идет снег — это счастье.
Счастье, когда жизнь побеждает смерть.
Когда лица спокойны и радостны — счастье.

Петя Михайлов

Рисунок К. Почтенной

ГЕНЕРАЛ

РАССКАЗ

Константин КУРБАТОВ

Рисунки В. Лебедева

Трехэтажный дом текстильного фабриканта Энгельса в Бармене знал весь город. И весь город знал, как жили в этом преуспевающем доме. Какой суп подавали вчера на обед, как выглядела потерянная хозяином бриллиантовая запонка и какое роскошное платье сшила себе недавно хозяйка дома.

Широко и богато жил текстильный фабрикант Энгельс. И лишь одно печалило его — сын. В тот день, когда родился мальчик, отец вознес в своей молитве великую благодарность господу богу — за наследника, за продолжателя хорошо поставленного дела. И назвали новорожденного, как и отца, Фридрихом. Но мальчик подрос, и по городу Бармену ползли слухи, будто сын Энгельса недоверчиво относится к религии. Поговаривали, будто он доказывает отцу, что все люди равны — и богатые, и бедные. И главное, что казалось совсем диким, — сын не хотел становиться фабрикантом!

— Сын фабриканта не хочет быть фабрикантом?!— приходили в ужас жители Бармена.— Богатство само идет к нему в руки, а он отказывается от него! Да он попросту сошел с ума!

А сын капиталиста тем временем гонял со своими сверстниками мяч.

— Фред!— кричали Энгельсу друзья.— Давай сюда! Пас!

Он увлекался литературой и искусством, музыкой и живописью, историей и философией. И столько знал, что товарищи смотрели на него, как на чудо. Но он был по-прежнему прост, любил подвижные игры и верных друзей, не придавая значения — из богатой семьи те друзья или из бедной.

— Меня серьезно тревожат твои забавы и знакомства,— выговаривал ему отец.— С твоей головой можно добиться многого. Переняв мой опыт, ты значительно увеличишь наше состояние. Если, конечно, одумаешься, прекратишь дружбу с недостойными тебя людьми; и я решительно не понимаю, что за глупая затея — гоняться за мячом и пинать его ногами? Убежден, что ваша несуразная забава никогда не получит распространения.

Но Фридрих Энгельс-старший ошибся. Прошло несколько десятилетий, и футбол сделался во всем мире самой распространенной игрой. И прежде всего — среди взрослых. И особенно — в Англии, где последние годы жил Фридрих Энгельс-младший.

А он так и не стал капиталистом, сын текстильного магната из Бармена, Фридрих Энгельс-младший стал ученым коммунистом, возглавив вместе со своим другом Карлом Марксом всемирное рабочее движение. В семье Маркса его прозвали Генералом — за боевой и непреклонный характер, за участие в Баденском восстании, где Энгельс трижды побывал в сражениях, за умение по куцым газетным сообщениям с военных фронтов безошибочно предсказать победу той или иной из воюющих сторон.

Он всю жизнь, как истинный генерал, провел в борьбе за равенство людей, за свободу и справедливость.

Однажды весной 1892 года, когда Фридриху Энгельсу уже перевалило за семьдесят лет, одно незначительное событие живо напомнило ему отчий дом, споры с отцом, увлечение футболом и юношеские мечты о борьбе за справедливую жизнь для всех людей мира.

Хотя для своих лет Энгельс и сохранил завидную стройность, силы уже были не те. И главная беда — глаза. Вот уже почти десять лет, как умер Маркс. Все эти годы Энгельс кропотливо разбирал архивы друга, дописывал его незаконченную главную книгу — «Капитал». После смерти Маркса его враги набросились на учение о коммунизме, стали доказывать, что никакой такой книги под названием «Капитал» вовсе и не было. И Энгельс поставил себе задачу — во что бы то ни стало дописать книгу друга.

Мелкий почерк Маркса, его торопливые записи, пометки, вставки разобрать мог только он, Энгельс. Потому Энгельс торопился. А усталые глаза слабели. Врачи предупреждали: если Энгельс будет, как и прежде, слишком долго просиживать за письменным столом и редко бывать на свежем воздухе, он может ослепнуть вовсе.

Поэтому во второй половине дня Энгельс обычно вставал из-за стола и отправлялся на прогулку.

Тем погожим весенним днем 1892 года он дошел до сквера и присел на скамью. По аллеям степенно прогуливались модно одетые леди и джентльмены. Девочки из благородных семей прикрывались от солнца маленькими разноцветными зонтиками. Чистенькие мальчики сияли белизной рубашек, галантно раскланивались с девочками.

А чуть поодаль, на поляне, играли в футбол другие мальчишки, дети рабочих — в потрепанных курточках и видавших виды штанах, мальчишки, очень похожие на тех, с которыми когда-то в детстве гонял мяч Фред.

Весна опушила деревья легкой зеленью. Сквозь зеленый пух ласково пригревало солнце. Скрипел песок под ногами гуляющих. А с поляны раздавались удары по мячу и гомон детворы.

По аллее сквера двигалось величавое семейство. Высокий мужчина осанкой и гордым видом походил на лорда. Его жена, женщина среднего роста, едва достигала мужу до плеча. А их тоненький сын был по плечо матери. Семейство встретило знакомых и разговорилось. Вернее, разговаривали взрослые. А тоненький мальчик застыл у кромки газона, увлеченный футболом. Чувствовалось —

он и сам не прочь ринуться в атаку на ворота, роль которых выполняли две березки. Но как же отглаженные брючки? А белоснежная рубашка? А лаковые, из лучшего магазина, дорогие туфельки?

Но тут мяч взвился в воздух, ударился о землю и подкатился к самым ногам мальчика. И мальчик не удержался. Он ударил по мячу и побежал за ним. А родители тем временем, занятые светской беседой, ничего не заметили.

— Пас!— крикнули мальчику.— Быстрее!

Ему тоже дали пас. Однако ударить он не успел, парень с лохматой гривой волос оттолкнул тоненького мальчика и ударил сам. Ударил, но в ворота не попал.

— Вот мазила, так мазила!— удивился Энгельс.

А игра меж тем застопорилась. Тоненький мальчик, у которого паренек отобрал мяч, упал. На него с разбегу свалилось еще двое мальчишек. Он вскочил разгневанный.

— Как вы смеете?!— закричал он со слезами в голосе.

Маленькие кулаки со злобой обрушились на испуганных мальчишек. Лохматому он попал в лицо и до крови разбил ему нос. Но никто из мальчишек даже не попытался дать драчуну сдачу. Мальчишки лишь прикрывались локтями и сопели.

— Как же так можно!— возмутился Энгельс, поднимаясь со скамьи.— Что же вы делаете, маленький негодник?!

Будь Энгельсу лет на двадцать меньше, он бы, конечно, мигом очутился рядом с драчуном. Но одновременно с Энгельсом на поляну бросились респектабельный лорд и его собеседник, мужчина с бульдожьей челюстью. Они были ближе и подоспели первыми. Крупный мужчина, словно желая выслужиться, взмахнул тростью. Просвистев в воздухе, трость опустилась на спину лохматого мальчугана с разбитым носом.

— Ой!— вскрикнул мальчик, порываясь удрать.

— На месте! — остановил его окрик лорда.

И мальчик, как ни странно, подчинился. А угодливый мужчина с бульдожьей челюстью, поглядывая на лорда, заработал тростью.

— Ой! Ой! Ой!— вскрикивал мальчик, все ниже пригибаясь к земле.

— Немедленно прекратите, сэр,— четко выговорил Энгельс, схватив на лету руку с тростью.— Как вам не стыдно!

— А вы видели, что сделал этот головорез!— вспыхнул мужчина.— И кто ему вообще разрешил играть здесь в футбол? Я его сейчас не только как следует отделаю, но еще и сдам в полицию.

— Вам не удастся его отделать,— спокойно возразил Энгельс.— И вы никуда его не сдадите. Потому что этот, как вы изволили выразиться, головорез абсолютно ни в чем не виновен. Я был свидетелем свалки, которая произошла у ворот. А вы ее не видели. Никто не нарушал правил игры.

— Как не нарушал...— всхлипнул мальчик в лаковых туфельках.— Я хотел ударить, а он...

— Но он, простите, тоже хотел ударить,— сказал Энгельс.— Футбол не дает преимуществ ни богатым, ни бедным.

И тут наконец произнес свое слово лорд.

— Кто вы такой, сэр?— возмутился он.

— Вас интересует, кто я такой?— улыбнулся Энгельс.— Генерал. Вы удовлетворены? Честь имею,— прикоснулся он к шляпе.— Идем со мной, малыш.

И, взяв лохматого мальчугана за руку, Энгельс увел его из сквера.

— Не понимаю,— размышлял по дороге Энгельс.— Вас было семь человек. Семь крепких и здоровых мальчишек. А вы распустили нюни. И еще этот, от которого ты не мог убежать. От страха будто прирос к месту. Как тебя зовут?

— Робин,— сказал мальчик.

— Ты что, трус, Робин?

— Я вовсе не трус!— обиделся мальчик, рыв-

ком освобождая руку.— Но разве вы не знаете, кто у нас всегда и во всем оказывается прав, а кто у нас всегда и во всем оказывается виноват?

— Ты имеешь в виду богатых и бедных?

— А кого же еще!

— На тебе носовой платок,— сказал Энгельс.— Подержи у носа. Вот так. И запомни: бедных людей, пролетариев, тех, которые трудятся и ничего не имеют, в тысячу раз больше, чем богатых. Если пролетарии объединятся, то, как бы ни были сильны богачи, победа пролетариата станет неизбежной. Представляешь, если бы все семеро примкнули плечом друг к другу! Да вас испугался бы даже тот, который с тростью.

— Вы, наверное, всю жизнь провоевали, господин генерал? И, наверное, всегда побеждали. Да?

— Нет, не всегда, к сожалению,— вздохнул Энгельс.— Беги домой, малыш. И в следующий раз не бойся постоять за себя.

Расставшись с мальчуганом, Энгельс неторопливо зашагал к своему дому на Риджентс-Парк роуд. Генерал! Вероятно, не только Робин, но и тот лорд в сквере на самом деле решили, что Энгельс какой-нибудь отставной генерал. И выправкой, и статью он и впрямь похож на генерала. В доме Маркса умели давать прозвища.

О чем бы ни думал Фридрих Энгельс, чем бы он ни занимался, его мысли постоянно возвращались к Марксу. Друг умер, но они все равно оставались вместе. Ради друга Энгельс был готов на все. Он пошел на временную уступку даже собственному отцу-капиталисту и довольно долго руководил одной из ткацких фабрик. Он тогда отступил по единственной причине — чтобы иметь деньги для поддержки Маркса и его многодетной семьи. Не сделай Энгельс того шага, Маркс не сумел бы создать своих гениальных трудов, а его семья погибла бы от голода.

«То были нелегкие для тебя годы, генерал,— думал Энгельс, медленно вышагивая по направлению к своему дому, — очень нелегкие...»

А через несколько дней поздним вечером на квартиру к Энгельсу пожаловал незнакомый человек. Он зашаркал грубыми башмаками по коврику у порога и сказал:

— Если можно, я бы желал увидеть господина Энгельса.

Когда в проеме двери кабинета появился Энгельс, гость заторопился:

— Простите меня. Я пришел, чтобы вернуть вам носовой платок. И поблагодарить за своего сына Робина. Если бы не вы...

— Как вы меня разыскали?— удивился Энгельс.

— Так чего вас разыскивать,— сказал гость.— В Лондоне не так много чудаков, которые заступаются за бедных людей.

— Заходите,— Энгельс распахнул дверь кабинета.— Прошу.

— Я тороплюсь,— отказался посетитель.— Завтра рано вставать... Я не могу... Вот платок. Жена его постирала и выгладила. Она говорит, даже по платку сразу чувствуется истинно благородный человек. В нашем доме никогда не водилось носовых платков.

— Значит, не зайдете?— улыбнулся Энгельс.— Теперь я понимаю, почему ваш сын Робин такой робкий: он в вас. Да заходите же! Расскажите, где вы работаете, кем.

В кабинет гость зашел, но садиться отказался. Так и простоял у двери. И Энгельсу тоже пришлось разговаривать стоя. Гость рассказал, что по двенадцать часов в сутки работает на газовом заводе, что фабрикант замучил штрафами, платит гроши. Шаг шагнешь не туда, уже штраф. А в семье, кроме Робина, еще трое детей. Ютятся все в одной сырой комнатушке. Всю зиму дрожат от холода. Ребятня вечно голодная...

— А как вы боретесь за свои права?— спросил Энгельс.

— Какая борьба? Вы шутите, господин Энгельс. Да меня сразу выкинут за ворота и оставят без работы. А то и вообще упекут за решетку. Что тогда? Пусть мои дети подыхают с голоду?

— Нет, я не хочу, чтобы ваши дети умирали с голоду,— сказал Энгельс.— Ни ваши, ни какие-либо другие. Мы боролись за это и будем бороться дальше. В воскресенье четвертого мая у вас выходной? Приходите утром четвертого мая в Гайд-парк.

— Куда приходить?— удивился гость.— Я? Да вы что? Поговаривают, там будет рабочая демонстрация. Нет, я никогда туда не пойду. Я не какой-нибудь бунтовщик. Это все знают, вся округа. Я человек маленький, тихий.

— А вы все-таки приходите,— говорил Энгельс, провожая гостя до прихожей.— Наберитесь смелости и приходите.

То майское воскресенье 1892 года Энгельс счел самым счастливым днем своей жизни: в воскресенье на улицы Лондона вышли сотни тысяч рабочих, все они двигались в одном направлении — к центру города, к огромному полю, которое называлось Гайд-парком.

Фридрих Энгельс словно помолодел на сорок лет. Стройный и величественный, он шагал во главе одной из рабочих колонн, и в петлице у него горела алая гвоздика. Рядом с ним шла дочка Маркса — Элеонора, которую отец ласково называл Тусси. Недавно Элеонору за организацию демонстрации рабочих арестовала полиция. Но, выйдя на свободу, дочь Маркса сказала:

— Меня могут арестовать еще тысячу раз, но мы все равно добьемся, чтобы у рабочих был восьмичасовой рабочий день. Мы добьемся, чтобы у рабочих были человеческие условия жизни.

Огромное поле Гайд-парка до предела заполнила людская толпа. На семи повозках-телегах, которые превратили в трибуны, стояли лидеры рабочего движения. И над ними словно возвышался Энгельс. Рядом с ним стояла дочь Маркса. Ораторы произносили речи, призывая рабочих к единству. Они заканчивали свои речи словами: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» А полицейские растерянно поглядывали друг на друга и не знали, что делать. Потому что, если арестовать всех этих людей, то в стране не хватит тюрем.

— Смотри,— сказал Энгельс Элеоноре,— видишь вон того рабочего в заношенной шляпе. Вот того, что озирается по сторонам. Видишь? А рядом — мальчик. Это те, о них я тебе рассказывал. Он все-таки пришел и привел своего сына. Раз уж тронулись такие робкие, то мы непременно победим. Теперь победа недалека.

Поймав взгляд Робина, Энгельс сделал ему знак рукой, подзывая к повозке. Мальчуган пробился сквозь толпу и радостно крикнул:

— Это я, господин Энгельс, притащил его сюда! Я! Знаете, как он упирался!

— Ты молодчина, Робин. Я сразу приметил, что ты молодчина. Хотя в футбол играешь и не очень. Хочешь, мазила, погоняем сегодня после митинга мяч? Как у тебя настроение?

— А вы, оказывается, обманщик, господин Энгельс!— крикнул мальчик.— Вы, оказывается, вовсе и не генерал. Я узнал. Но мы все равно будем называть вас генералом. Генералом рабочих...

ПОЛЕ-РАДОСТЬ МОЯ И ПЕЧАЛЬ

Старейшина зауральских хлеборобов Терентий Семенович Мальцев живет в селе Мальцево Шадринского района Курганской области. А вот школьник Петя Данилов из Ставропольского края не знал этого адреса, поэтому и написал на конверте: «Дедушке Терентию Мальцеву». И можете себе представить, письмо школьника не затерялось в дороге, а дошло точно до адресата. Потому что имя знаменитого хлебопашца известно всей нашей стране.

Надо ли поэтому говорить, как я волновался, отправляясь на встречу с почетным академиком Терентием Семеновичем Мальцевым.

Мальцево начинается сразу за поворотом дороги. Добротные рубленые дома, двухэтажное здание школы.

Неподалеку от правления колхоза «Заветы Ленина» бревенчатый дом. Пять окон за узким палисадником смотрят через штакетник на деревенскую улицу.

В ответ на мой стук раздается:

— Войдите!

Хозяин дома сидит за столом. На нем защитного цвета рубаха навыпуск, подпоясанная широким ремнем и застегнутая на все пуговицы.

Поднимается он легко, словно ему и не 90 лет. Высокий, стройный. Приветливо смотрят голубые глаза.

— Здравствуйте!— произносит он мягко и дружелюбно.

— Что приметили на наших полях?— без предисловия спрашивает Терентий Семенович.

Вопрос хотя и обычный, но задан, как я догадываюсь, неспроста. Хозяину дома интересно знать: готов ли собеседник вести разговор о земле? Что смыслит в этом?

Набравшись смелости, я признаюсь, что сельскохозяйственной техники на полях вроде бы маловато. Весна, хотя и поздняя, но все же — весна.

— Вот и я говорю о том же,— соглашается Терентий Семенович.— Ждать больше нечего. Пора закрывать влагу в почве, боронить. И без того воды много в этом году потеряно: вымерзла, половодьем унесло.

Весенний ветер доносил в окно запах пашни. Мальцев предложил:

— Пойдемте в поле, посмотрим землицу.

Это была та самая пашня, которую возделывал его отец, и где много лет назад Терентий Мальцев, в то время еще Тереша, под присмотром отца пошел за плугом и вырастил первую ниву.

— Грамоту я одолел «самоуком»,— вспоми-

нает Терентий Семенович,— спрошу, бывало, у кого-нибудь название буквы, а потом палочкой или куском угля рисую их, складываю одну за другой в слова.

С молчаливого согласия отца Терентий пристрастился к книгам, где нашел первые сведения по агротехнике, созвучные своим мыслям и наблюдениям, сделанным на пашне.

Однажды, заметив, что сын запрягает лошадь, собираясь в поле, отец спросил:

— Куда это ты собрался?

— Боронить.

— Не смей землю сушить, еще ни один дурак не выезжал боронить так рано.

Но Терентий решил: будь что будет — и выехал со двора.

Восемь дней в ту весну веяли суховеи. В поле никто не выезжал. А когда выехали — увидели, что на забороненном участке Мальцевых густо зеленели сорняки.

— Что ты наделал, сын? Сеять-то как теперь? Как смотреть людям в глаза?— наседал на сына отец.

Терентий успокоил его.

— Посеем, дай срок!— и опять взялся бороновать, чтобы уничтожить сорняки.

Мужики помалкивали, жалеючи нерадивого хлебороба. Отсеялся Терентий позже всех.

Зато уже летом стало ясно: пшеничка на пашне Мальцевых удалась на славу.

Теперь молодые любознательные мужики сами потянулись к Мальцеву. Приходили послушать: для чего семена надо сортировать перед севом, зачем делать раннее боронование. Стали заводить опытные участки на своих наделах. А когда организовался колхоз «Заветы Ленина», то Мальцева единодушно избрали полеводом.

Теперь на его плечи ложилась ответственность за урожай на большом колхозном поле, значит, и хозяйствовать приходилось только наверняка. Но легко сказать — наверняка! Ведь земледелец не знает заранее, какие будут весна и лето: влажными или сухими, теплыми или холодными?

Как научиться понимать действие стихийных сил на урожай? И Мальцев снова искал ответ в книгах.

На поле к нам подошли ребята из местной школы. Это были мальчишки и девчонки из ученической производственной бригады, с которыми у дедушки Мальцева велась давняя дружба. Окружив своего знаменитого земляка, они наперебой задавали вопросы.

Кто-то неожиданно попросил:

— Терентий Семенович, расскажите, в чем суть способа обработки почвы, который вы предложили?

Вопрос был, конечно, не новый, но каждому

хотелось еще раз услышать от самого Мальцева этот рассказ.

— Новое легко не дается. Были и сомнения, и надежды. Я много лет вел опыты и пришел к выводу, что необходимо отказаться от применения отвальной вспашки на черноземных почвах Зауралья. Лучше чередовать глубокую безотвальную обработку почвы плугами без отвалов с поверхностной многократной обработкой дисковыми лущильниками.

Нужно было видеть, с какой гордостью и вниманием слушали ребята рассказ знаменитого академика. Поистине нужно было обладать мальцевской смелостью и даром научного предвидения, чтоб отстоять и доказать ученым правоту своих взглядов.

В 1956 году Всесоюзная академия сельскохозяйственных наук имени Ленина избрала Терентия Мальцева своим почетным академиком.

— Ну, а теперь рассказывайте, как ваши успехи в учебе?— обратился Мальцев к школьникам.

Кое-кто смущенно потупился.

— Нехорошо глаза прятать. Вижу, не у всех дела блестящие. Вы что же, думаете, в сельском хозяйстве нужны только сила и ловкость?

И снова пошел у них разговор о делах колхозных, о жизни, об отношении к труду и учебе.

— Вот, скажем, раньше сохой пахали. Крепко ее приходилось в руках держать. А чуть зазеваешься — куда по-вашему лемех норовит свернуть?— спрашивал хлебороб и сам отвечал:— В старую борозду — вот куда!

Так и в жизни: если человек не умеет управлять собой — далеко не уйдет. Мой совет вам: учитесь противостоять плохому. И поверьте, это не просто. Тут усилия нужны, а иной раз даже гражданское мужество. Потому и хотелось бы мне пожелать вам, мои дорогие друзья, высшего счастья в жизни — приобщиться к труду людей, кормящих свое Отечество.

Ю. ПАРАМОНОВ

БАРАБАН

№ 11

БОЕВАЯ АРМИЯ РЕБЯТ-АКТИВИСТОВ БОРЕТСЯ, АГИТИРУЕТ, НАХОДИТ!

Революционный держим шаг!

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ДЕРЖИМ ШАГ!

Как спасли памятник вождю революции

...Поздняя осень 1941-го года. В Симферополе — тишина. Но это не мирная тишина, которую мы так любим, а тишина зловещая, когда на каждом шагу жизнь человека может оборвать пуля. В Симферополе — комендантский час. Медленно, словно маятник, взад-вперед, ходит по улице Пушкина патрульный. Никто не рискнет выйти сейчас из дома. Ведь за это — расстрел.

Но именно в такой час и была спрятана друзьями-подпольщиками бронзовая скульптура Владимира Ильича Ленина, стоявшая в начале улицы Пушкина. Смельчаков было трое — Александр Васильевич Лебедев, Петр Павлович Завадский и мой дедушка — Николай Васильевич Чудак.

Весть о том, что памятник вождя в безопасности, обрадовала всех горожан. По городу ходили слухи, что это сделали партизаны.

Фашисты пришли в ярость. Были обысканы дома, подвалы, склады. Но памятник как в воду канул.

А между тем, он был глубоко под землей, в старой трансформаторной будке, совсем недалеко от городской управы. И правда, кто же будет искать в таком месте?

Прошло два года. Приближался час освобождения. Перед своим уходом фашисты участили облавы, обыски, расстрелы. Они заминировали крупные жилые дома, театры, мосты. Узнав об этом, подпольщики сделали все, чтобы эти мины не взорвались. Так дедушка разминировал самый большой мост в городе — Феодосийский...

Когда в Симферополь вступила Советская Армия и жители города встречали своих освободителей цветами, дедушка и его друзья показали нашему командованию местонахождение памятника Ленину.

Сейчас этот бронзовый монумент вождя революции находится в Крымском краеведческом музее.

Света Чудак,
8 класс,
Симферополь

КТО, ЕСЛИ НЕ ТЫ?

Главное не сдаваться

У нас в школе уже много лет существует историко-краеведческий музей. В нем очень много экспонатов. Столько, что уже не помещаются. А рядом с музеем — рекреация. Она пустует. И, значит, в ней можно разместить стенды. Но это предложение дирекция школы не поддержала. И после нескольких попыток «выбить рекреацию» совет музея смирился с существующим положением.

Тогда в дело вмешалась наша школьная редколлегия. Мы напечатали в своей газете заметку, призывая взрослых прислушаться к мнению пионеров. Но на заметку никто из них не обратил внимания. Как быть? Ребята из совета дружины и совета музея говорили: «Мы же вас предупреждали, что ничего из этого не получится». Но мы стояли на своем и в следующем номере на самом видном месте снова напечатали ту же самую заметку. К нашему удивлению, результат был прежним. Вернее, даже стало хуже, чем раньше: многие мальчишки и девчонки стали над нами откровенно посмеиваться. И все это привело к тому, что мнения членов редколлегии разделились. Одни говорили: «Надо еще раз печатать!», а другие: «Сколько можно?» Такого разброда в жизни редколлегии еще не было. Было решено поставить вопрос на голосование. К счастью, стойких ребят оказалось больше: заметка была опубликована в третий раз. И на этот раз результат не заставил себя долго ждать. В тот же день дирекция школы приняла решение о передаче рекреации нашему музею.

Этот случай заставил ребят в школе о многом задуматься. И не только ребят, но и взрослых.

Сережа Грязнов,
Свободный
Амурской области

рвый снег

Андрей Хасанов, Петропавловск

"Барабан" "бьет тревогу!

Мимо нашего города протекает река Санзар. Однажды мы с папой пошли на прогулку и увидели на берегу реки и в воде много мертвой рыбы. Я спросила папу: «Почему погибла эта рыба?» Он мне ответил: «Видимо, какие-то плохие люди бросают в воду химикаты, и рыба отравилась».

Но почему разрешают бросать в речку химические вещества? Неужели никому не жалко, что рыба гибнет?

Алена Хван,
7-в класс, школа № 16,
Галля-Арал
Джизакской области

"Барабану" отвечают

Галляаральский районный комитет Ленинского Коммунистического Союза Молодежи Узбекистана ознакомился с письмом юнкора Алены Хван.

Принято постановление об улучшении работы «Голубых патрулей» в пионерских дружинах района и проведении рейдов комсомольского актива по охране реки Санзар.

Совместно с обществом «Охраны природы» принимаются меры, исключающие сброс мусора и различных отходов в реки и водоемы.

Секретарь Джизакского обкома комсомола
Н. КАРИМОВА

Секретный пакет

В нашем пионерском отряде имени Сергея Тюленина никто не обзывается и не дерется. В школе говорят, что наш отряд дружный. А когда-то было все иначе. И многие думали, что без кличек, которые мешают дружбе между мальчиками и девочками, нам просто не обойтись.

Как же нам удалось все наладить?

Зная, что мальчики любят все романтичное и таинственное, девочки решили обратиться к мальчикам с посланием об отмене кличек. В послании мы дали срок, по истечении которого они должны были дать ответ. А само послание положили в пакет с печатью.

Когда мальчики прочитали наше предложение, они долго ходили и говорили, что уже готов ответ. Но мы решили: возьмем только после указанного срока. Наконец срок настал, и они тоже вручают нам пакет. Разворачиваем лист бумаги и видим два слова: «Мы согласны!» Никто из девочек не ожидал, что все будет так просто, хотя ждали и надеялись именно на такой исход дела.

Ира Пономарева,
5-б класс,
школа № 7,
Касимов

Сказка деревянных человечков

Иду по тропинке и чувствую чей-то добрый, веселый взгляд. Оглядываюсь по сторонам. Вот он — маленький, красивый гномик, что смотрит на меня своими умными, любознательными глазками. Я говорю ему: «Здравствуй» и замечаю, что он не один. Их здесь семь братьев, как в сказке. И значит, я попала в сказку деревянных человечков. Потом встречаю на поляне Снегурочку, Чебурашку, крокодила Гену, Буратино, Ивана Царевича, и все они рады, что я к ним пришла.

Одна только Баба-Яга хмурится и отворачивается от меня. Но я не обижаюсь, знаю, такой уж у нее характер.

Эта удивительная поляна находится недалеко от Ялты. Она так и называется «Поляна сказок».

Довиле Будрите,
7-а класс,
школа № 2 имени
Саломеи Нерис,
Вильнюс

А ПИСЬМА НА ОДНУ ТЕМУ

нам прислали из Артека юнкоры дружины Алмазная, которые побывали на производственном объединении «Таврия»

Зачем их выкидывают?

«Таврия» выпускает мелкие хозяйственные предметы и украшения. Наша группа корреспондентов познакомилась с работой сборочного цеха, где собирают искусственные розы. Бригада, которая здесь трудится, очень дружная и веселая. Сразу видно, что работа им нравится. Чтобы собирать цветы, нужна ловкость и сноровка. Я попробовал и понял, как это нелегко. Если вы нарушите очередность сборки, получится брак. Собирая стебельки и листики, надо их надежно закреплять. А всего за смену каждый работник должен собрать 450 цветочков. Наблюдая за работой бригады, я подумал: как трудно их сделать и как легко мы порой их выкидываем.

Вася Кобяков,
Свердловская область,
Верхние Серги

Миллион алых роз

Почему взрослые люди делают ненужное дело? Искусственные розы только издалека напоминают настоящие. Все они абсолютно одинаковы и до одури яркие. А настоящие розы всегда бледноватые, среди них нет похожих.

Я решил выяснить, каким же путем эти искусственные поделки попадают на прилавки магазинов. Мне ответили, что после того, как изобретается какое-либо изделие, оно идет на художественную ярмарку, где его оценивает художественный совет. Если изделие получило спрос на ярмарке, оно поступает на торговую базу. Никакая торговая база не возьмет товар, если он не пользуется спросом у покупателя. Эти искусственные розы покупают, и поэтому их продолжают штамповать и собирать. По принципу: чем больше, тем лучше. И база довольно потирает руки: «Нужны наши цветочки людям». А о том, что на те же самые деньги можно изготовлять нужные и полезные вещи, она не думает. И «Таврия» не думает. Они не думают, потому что есть недумающие покупатели. Говорят, что о вкусах не спорят. А я бы хотел поспорить об этом не только с Васей Кобяковым.

Кирилл Обуховский,
7 класс,
школа № 66,
Москва

Итак, перед нами два мнения.

Интересно узнать, что думают по этому поводу читатели «Барабана»!

МИР, В КОТОРОМ МЫ ЖИВЕМ

ФОТОКОНКУРС

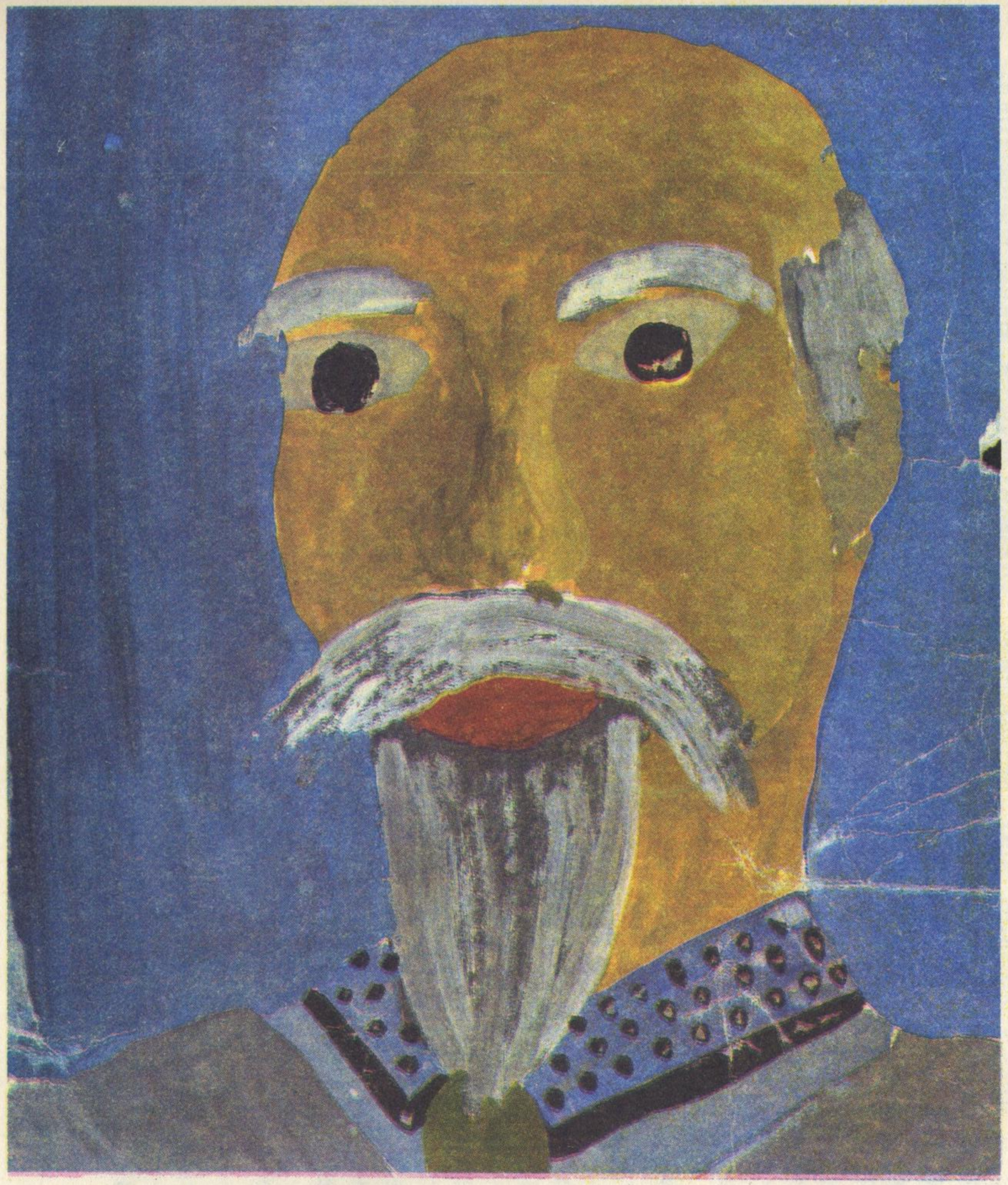
ДИСПУТ

Женя Кузин, Пятигорск, юнкоровский отряд «Пламя»

ЮННАТ

Сергей Толмачев, Амурская область

МОЙ ДЕДУШКА

Наташа Овчарова, Москва

Чудеса под водой

В Севастополе мне очень хотелось посмотреть морской аквариум. И когда я спустился по лестнице и попал в большое помещение, передо мной предстал богатый подводный мир. Но это были не настоящие животные, а чучела.

А потом я увидел бассейн, в котором жили настоящие морские рыбы. Я стал за ними наблюдать. Они плавали и как бы говорили: «Ну, что, пришел посмотреть?» А в другом бассейне плавали морские черепахи.

Таких рыб и черепах я еще никогда не видел. Это было такое удивительное зрелище, что я твердо решил стать водолазом.

Виталий Хранцов,
6-а класс, школа № 49,
Карасук Новосибирской области

Литературная страничка

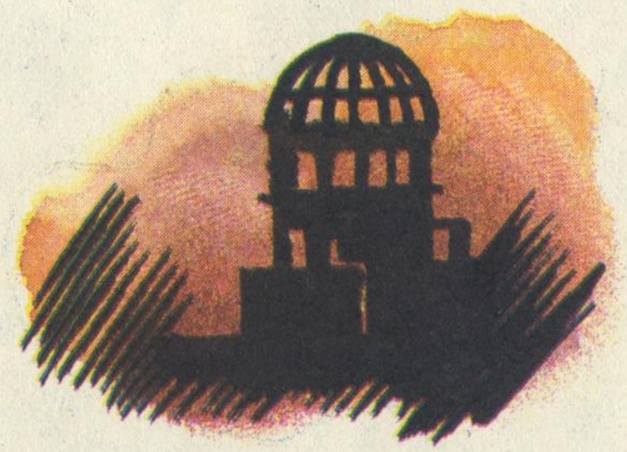

ДЕНЬ ПАМЯТИ

Пионеры на верхней костровой,
Флаг на мачте. Он там до сих пор.
Глядя вдаль, вижу снова и снова,
Вижу тот негасимый костер...
И казалось, за шторою дыма
Из каких-то незримых дверей
В полный рост встала вся Хиросима,
Встали узники концлагерей.
Будто живы они и поныне,
Держат кровью пропитанный стяг.
Дети Бабьего Яра, Хатыни
Из пожарища делают шаг.
Ветер, пот вытирай полотенцем,
Колокольным набатом звеня!
Вижу, как Бухенвальд и Освенцим
В полный рост восстают из огня,
Из огня, что на верхней костровой
В небо взмыл и лизнул звездный снег.
«Мы всегда это помнить готовы!» —
Говорит всей планете Артек.

Лиза Аникина,
8 класс, школа № 495
Ленинград

В ПОСЕЛКЕ ОЛОН НА РЕКЕ БИКИН

Ф. ЕЛОЕВА, Е. ПЕРЕХВАЛЬСКАЯ

Домики Олона почти незаметны среди деревьев. В этом крохотном поселке живут удэгейцы. Их всего полторы тысячи на всем белом свете. С незапамятных времен поселились они на правых притоках Уссури и Амура.

Наша фольклорная экспедиция приехала сюда за сказками. Жили мы в стареньком, скрипучем доме в селе Красный Яр, что напротив Олона. Мы ходили из дома в дом, исписали сотни метров магнитофонной пленки, а по вечерам пробовали ловить в реке рыбу. На рыбалке мы и познакомились с удэгейцем Васей. Он смугл, раскос, молчалив. Долго присматривался к нам и однажды вечером позвал к реке. Думали — на рыбалку, но он кивнул на магнитофон.

— Возьмите.

Помог сесть в бат — длинную лодку — и направил ее через Бикин.

Мы выходим на берег по ту сторону Бикина и попадаем в совершенно иной мир — Олон расположен на низком берегу реки. В отличие от Красного Яра, который стоит высоко, здесь жители страдают от наводнений, но зато и растительность здесь кажется поистине субтропической.

Вася ведет нас по извилистой тропинке — траву иногда приходится раздвигать руками. Далеко ли еще идти? Можно спросить об этом Васю, но мы знаем, что наш загорелый черноволосый спутник, как и все удэгейцы, не любит пустых разговоров, и задать вопрос мы не решаемся. Кажется, что эта прогулка нам снится, — даже бабочки — такие, как и не бывает на свете, невиданные, с огромными, причудливо изрезанными крыльями. Мы разглядываем бабочек и не замечаем, что за раскидистым маньчжурским орехом скрывается стоящий у самой реки домик. Вася направляется прямо к нему.

Из домика выходит смуглая старуха, с профилем индейского вождя. Так вот к кому привел нас Вася — к знаменитой удэгейской сказительнице Нядиге Сагдыевне.

— Багдифи, — приветствуем мы старую сказительницу по-удэгейски.

— Багдифи, — отвечает она низким голосом.

Вася в нескольких словах рассказывает, кто мы такие и откуда приехали. Она не удивляется. Понятно, что за красивой сказкой можно приехать издалека. Наверное, каждый выдающийся человек знает себе цену, и Нядига Сагдыевна тоже отдает себе отчет в том, что она — одна из первых удэгейских сказительниц, и что сказки ее покоряют слушателей.

Вот она с достоинством садится на крыльцо, неторопливыми, размеренными движениями набивает длинную удэгейскую трубку и некоторое время задумчиво курит, привычно потирая пальцами медвежий клык, привязанный к кисету.

Она знает, зачем мы пришли, но молчит. Молчим и мы. Над сопками начинают проступать звезды, по реке и по низкому берегу клубится туман.

Старая Нядига смотрит на звезды и говорит:

— Все мужчины в нашем роду были охотниками. Я и сама охотилась, когда была молодая. Ночью мы без страха ходили по тайге — нам помогали звезды. Как вы называете вот эти несколько звезд? — спрашивает Нядига своим хрипловатым низким голосом, указывая на небо.

— Большая Медведица, — отвечаем мы.

— Далеко отсюда, на другой реке, где прошло мое детство, эти звезды называли так: «Амбар стоит». Четыре звезды — это дзали — амбар. Прибежал медведь, разворошил дзали, одна ножка у него подломилась. За медведем бросился охотник с собакой. Так они и бегут вечно по небу. Стоит амбар на трех опорах, а медведь убегает во всю свою медвежью прыть.

Мы представляем себе удэгейский амбарчик дзали, напоминающий избушку на курьих ножках — в каждом дворе на четырех столбах стоит такой дзали. Мы смотрим на небо: действительно, похоже.

— Нядига Сагдыевна, а помните, в прошлый раз вы рассказывали интересную сказку про то, как соревновались лягушка и сохатый? — спрашивает Вася.

— Ту сказку ты много раз слышал. Послушай-ка теперь другую:

«Давно-давно не было в этих краях людей, одни звери ходили, одни птицы летали. Но вот однажды закурился дымок костра, встала юрта на берегу реки, появились здесь близнецы брат и сестра. Брат был охотником, да таким, что мог из лука попасть в глаз белки, сидящей на самой вершине кедра. Сестра из оленьей кожи шила олочи и расшивала их невиданными узорами. Из бересты она плела ковры, в березовой золе пекла лепешки и такие вкусные были эти лепешки, что сам Амба, повелитель леса, приходил на ближайшую сопку и втягивал носом ароматный дым очага, а маленькие лесные духи пудзя сбегались по ночам к их очагу и собирали крошки.

Так жили они. Проходило время, брат становился все сильнее, а глаза сестры сверкали все ярче.

И вот однажды утром брат

посмотрел в деревянное блюдо, которое подала ему сестра, и спросил удивленно:

— Сестра моя, вчера с охоты я принес целого изюбря, а в этом супе, что ты сварила, нет ни кусочка мяса!

— Год на год не приходится. Река разольется, как жить будем? Надо делать запасы,— отвечала сестра и хитро прищурилась.

В тот день охота прошла удачно — брат добыл сохатого, но на следующий день повторилось то же. Так прошло несколько недель и стал брат слабеть от голода. Смотрит он на сестру, а у нее румянец на смуглых щеках играет, будто бы она не ест вываренных кореньев.

«Ах женщина, — думает брат, — темное дело ты замыслила».

На следующий день собрался брат на охоту, взял лук, стрелы, лыжи надел, с сестрой попрощался. Но в тайгу он не пошел, а спрятался за поленницей около юрты. Что же видит он: выходит сестра из юрты, на ней халат из рыбьей кожи, медными монетами украшенный, на запястьях браслеты, в ушах серьги. Вышла она и поет. Зовет самого Амбу. Тут — крак!— толстая лиственница, стоявшая у юрты, раскололась и вышел из нее Амба! Огромный, страшный, заросший рыжей шерстью, пена стекает с острых клыков. Задрожал брат за поленницей, рука сама к луку потянулась. А сестра ничего — взяла Амбу за руку, улыбнулась ему ласково, повела в дом.

«Вот кто все мясо съедает,— понял брат. Почернел от горя и заплакал.— Один я теперь на свете, нет у меня больше сестры. Предала она меня».

На следующий день притворился брат больным, лежит, семью шкурами укрылся, стонет тяжело. Сестра обеспокоилась, вытащила она остатки мяса, что вчера для Амбы варила, но не стал брат есть того мяса.

— Больше ничего нет, —сказала сестра.

— Там на сопке оставил я половину сохатого, всего не смог принести, — сказал брат.

Делать нечего. Надела сестра лыжи, впряглась в сани, побрела на сопку.

Тут брат шкуры с себя сбросил, вытащил сестрин халат, расписные олочи надел, брови углем подвел и пошел к лиственнице. Остановился и поет, как вчера сестра пела. Но на этот раз Амба не спешил появляться. Из лиственницы раздалось урчание и грозный голос спросил:

— Что с голосом твоим, женщина? Уж не больна ли ты?

— Ночью сильный мороз ударил, вот я голос и потеряла.

Крак! Раскололась старая лиственница, появился Амба. Изо всех сил натянул брат тетиву лука, впилась стрела прямо в грудь Амбы. Дико взвыл он и упал замертво, а лиственница в тот же миг в труху рассыпалась. Смотрит брат на Амбу, куда спрятать его? Бросил брат Амбу в прорубь.

Тем временем сестра вернулась. Как увидела она, что нет лиственницы, побледнела как снег.

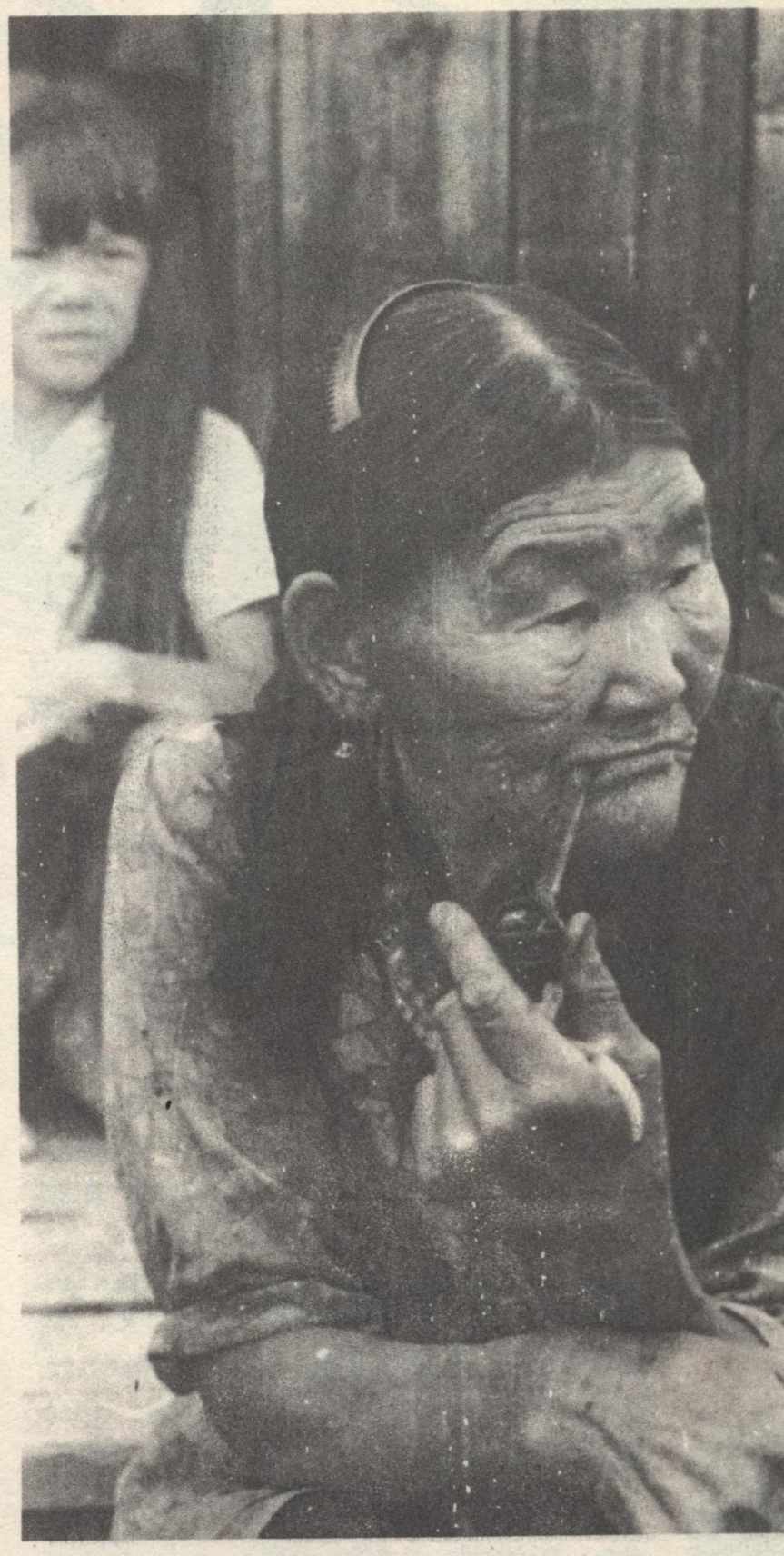
— Что ты наделал, брат! Ты убил моего мужа, своего шурина. Ведь он не Амба вовсе, а прекрасный богатырь — ягдигэ, только заколдованный!

Стала она искать тело мужа — видит: кровавые следы к проруби ведут. Побежала она к проруби, да и бросилась туда.

Вышел брат из юрты, горько плачет: «Двое нас было на белом свете, теперь я один остался. Своими руками сестру погубил, как дальше жить буду?»

И тут чудо случилось. Поднялся брат в воздух и полетел, как птица. Долго ли летел, я не знаю, только прилетел он к морю и видит: много юрт на берегу стоит — люди живут. Спустился брат на землю, вошел в юрту и видит: сидит его сестра, а рядом с ней богатырь-ягдигэ лежит раненый, шкурами укрыт, стонет. Сестра как увидела брата, и заплакала и засмеялась: «Мужу моему ни смерти, ни жизни нет, один ты его спасти можешь». Вынул брат из груди юноши стрелу, и встал тот цел и невредим.

— Ты ранил меня, охотник, — сказал юноша-ягдигэ, — но и я перед тобой виноват, зачем

сразу не открылся тебе. Но не будем помнить зла. Бери в жены мою сестру, красавицу Ланга. Возвращайся с ней в свою юрту. А мы здесь жить останемся.

Так они и сделали. Счастливо зажил брат, а жена его оказалась такой искусницей, что в рыболовные сети, которые она сплетала, таймень и ленок сами шли. Говорят, что с тех пор и живет наш народ на этой реке, и закон у них такой — друг другу помогать, а зла не помнить».

Старая Нядига замолкает. Тихо плещет Бикин, доносится отдаленный гул лодочных моторов.

Уже поздно. Нам пора в обратный путь. Вася машет рукой лодке, идущей нам навстречу. Это возвращаются с таежных болот сборщики ягод. Их тяжело груженный бат идет медленно, оседая под тяжестью мешков с голубикой...

До свидания, Нядига, до свидания, Олон, мы еще вернемся сюда.

ПЕСНЯ И ТРУБА

О. СЕРДОБОЛЬСКИЙ

Горячо, неистово
пел металл.
О трубе с мальчишества
я мечтал.
Даже руку вскидывал
по ночам —
до того завидовал
трубачам.
Пешие и конные
снились мне,
их глаза бессонные —
как в огне.
В радости ли, в горе ли,
взгляд их строг,
и у меди в горле
сто тревог.
Эта медь звучащая
по плечу
только настоящему
трубачу.
Потому что песня
и труба —
это не профессия,
а судьба.

ЭТО УЛИЦЫ РАБФАКОВ

Н. КАСАЕВ

Это улицы рабфаков.
Голодуха... Всплески флагов...
Ощущение пути.
Всё, что будет,— впереди!

Всё, что будет... Всё, что будет...
Оптимизма не убудет.
Лозунг. Жест. Призывный клик.
Серп и молот. Связка книг.

Бюллетени Коминтерна
и пособие по термо-
обработке... Это факт
исторический — рабфак!

Это улицы рабфаков.
Голодуха. Всплески флагов.
Время — сказано!— лети!
Всё, что будет,— впереди.

Наши беды и успехи.
Словно митинг в Политехе!
День весенний. День за днем.
Жизнь. Надежда. Вдох. Подъем.

ДЕВУШКА С ФОТОГРАФИИ

Александр НАЗАРОВ

На стене у нас всегда висело много фотографий. С них смотрели на меня разные люди: в старинных сюртуках и платьях до пола, с галстуками-бабочками и кружевными накидками. Люди, которых я никогда не видел живыми. И мне объясняли: «Это твой прадедушка. Это — прабабушка. А это — бабушкин дедушка».

Но одна фотография была особенной. На ней — невысокая девушка с круглым лицом, большим открытым лбом и аккуратно зачесанными волосами. Строгое черное платье с белым воротничком. Подперла рукой щеку и смотрит прямо на меня внимательными, задумчивыми глазами. Бабушкин голос становился грустным и гордым одновременно: «А это — Софья Львовна Перовская, младшая сестра моего дедушки. Революционерка. Ее казнили за убийство царя».

Эта девушка, похожая на школьницу, — убила царя? Возможно ли? Да еще бабушка говорит, что она родилась в семье дворян. И не просто дворян, а особо приближенных к царскому престолу. Как же могло такое случиться? Какой вообще она была, Софья Перовская?..

В нашем книжном шкафу целую полочку занимают книги о Перовской. Но одна — особенная: «В. Л. Перовский. Воспоминания о сестре». В. Л. — Василий Львович, старший брат Сони. Для него она была не Софьей Львовной Перовской, одной из руководительниц партии «Народная воля», а просто Соней — любимой сестрой, участницей всех детских игр.

Наверное, по ошибке Соня не родилась мальчишкой. Уже в три года она не отставала от семилетнего Васи. Секли крапиву деревянными мечами, убегали в лес на целый день, разводили там костры.

Товарищем их игр был Коля Муравьев — сын псковского губернатора. Как-то раз играли на плоту в пиратов. Плот накренился — Коля упал в воду и сразу начал тонуть. Гувернантка бестолково суетилась и причитала на берегу, а Соня вместе с Васей вытаскивали трясущегося и ревущего моряка.

Чем старше она становилась — тем труднее было ладить с отцом. Лев Николаевич все мечтал сделать из дочери светскую барышню. А она не желала такой жизни. До поры отец терпел. Но когда шестнадцати лет Соня поступила на педагогические женские курсы и в доме бывшего петербургского губернатора Льва Николаевича Перовского стали появляться Сонины подруги — такие же независимые, коротко стриженные, иные в брюках — произошел взрыв.

Как-то раз отец распахнул дверь кабинета, вызвал Соню и, не стесняясь, что девушки его слышат, закричал: «Или ты порвешь с этими стрижеными дурами — или чтоб ноги твоей больше не было в моем доме! Выбирай!» Он недооценил дочь. Перед ним была девушка со своими убеждениями и твердой, железной волей. Соня ушла в тот же вечер.

Отец бушевал, хотел вернуть силой. Потом примирился. Но всем домашним было запрещено в его присутствии упоминать о дочери.

Так Соня навсегда потеряла дом.

* * *

...Покачивается вагон. Соня примостилась на лавке в углу. Рядом и напротив — по жандарму. Дюжие, отъевшиеся, грубые. Везут ее из Москвы на Север, в ссылку — в Олонецкую губернию. Какой это арест по счету? Четвертый? Да, немало уже сделано, немало пережито. Студенческий кружок-коммуна: книги, споры, агитация. Она — первая девушка, принятая в коммуну. Потом — пропаганда среди крестьян, в самых отдаленных губерниях, самых глухих деревнях.

Теперь — ссылка. Нет, нельзя смиряться — надо бежать.

В Волхове жандармы решили пересесть на пароход. Заночевали на станции. Еще на платформе Соня разглядела расписание: поезд на Москву через два часа. Теперь или никогда!

...Один жандарм уселся на стуле. Другой лег поперек двери. Но не сообразил, что дверь открывается наружу. Соня лежит на лавке, делает вид, что спит, а сама внимательно следит из-под ресниц.

Время словно застыло. Но вот чуфыканье, свист пара — поезд! Остановился, минута — стоянка, снова отходит... Скорее на платформу, на подножку — в вагон. «Ва-ши биле-еты!» — слышит она скоро. Кондуктор. Ничего. Соня притворяется деревенской девчушкой-недотепой: лицо у нее совсем юное. «Чево? Билет? А нету! Да мне, дяденька, недалеко. Где села? А на станции села». Тьфу! Вот и поговори с такой! Высадить ее на ближайшей остановке!

Высадили. И Соня, спокойно взяв билет, покатила в Петербург. Только отныне она не Софья Львовна Перовская. Это имя забыто — до самого последнего ареста.

В августе 1879 года революционеры-народовольцы вынесли на съезде смертный приговор императору Александру II. А через три месяца произошло первое покушение.

...Окраина Москвы. Настоящая деревня. Тихо. Только громыхание поездов нарушает спокойствие: рядом — Курская железная дорога. Здесь в маленьком домике поселились в

сентябре 1879 супруги Сухоруковы — мастеровитый, приветливый Николай Степанович и тихая незаметная Марина Семеновна.

Странные они. Хоть ни с кем не ссорятся, а гостей не зовут. Идет Марина Семеновна по деревне с покупками, здоровается приветливо, о том о сем словом перекинется — и шмыг в калитку, домой. Закрылась дверь — и все. Ни звука. А за дверью...

Марина Семеновна проходит в заднюю комнату. Под полом кто-то шуршит. «Ну, как сегодня?» — обращается она к пустой комнате. Из подвального люка высовывается усталое, перемазанное глиной лицо «мужа» — народовольца Льва Гартмана. «Еще полтора аршина прошли, Соня! Трудная глина, тяжелая». — «Потерпите, завтра Саша бурав принесет!» — «Вот это другое дело!» — радостно произносит вторая, такая же грязная, голова, выныривая рядом.

Саша — Александр Михайлов — здесь единственный гость. Он привозит взрывчатку, инструменты, сообщает все последние новости. Через него — связь с другими народовольцами. А там, в подвале, все дальше к железной дороге уходит узкий подземный ход. Прямо под рельсы.

Скоро — надо торопиться! — царь будет поездом возвращаться с летнего отдыха из Крыма в Пе́тербург — через Москву. Встреча ему готова. Одна мина — под рельсами у Одессы. Если Александр II поедет другим путем — вторая мина ждет его в запорожских степях, у городка Александровска.

Там работает сам Андрей Желябов — руководитель «Народной воли», самый дорогой Соне человек.

Наконец настал день. Утро 19 ноября. Соня ждет новостей от Михайлова. Уже известно: через Одессу царь не поехал. А как Желябов? Дверь распахнулась. «Саша? Ну?!» — «От Андрея телеграмма. Мина не сработала. Вся надежда на нас». Что ж... У Сони все готово.

Вечер. Соня стоит у дороги, ежась на осеннем ветру. Как покажется поезд, даст сигнал: откроет трижды крышечку фонаря. И тогда...

Напряженно всматривается, вслушивается она в темноту. Проносится поезд. Но Соня спокойна. Этот — с царской свитой: его всегда пускают первым. Как тянутся минуты! Опять пыхтение...

Из окна Михайлов увидел, как трижды мигнул светлячок у дороги. Секунда, другая... Поезд над миной. Саша замыкает цепь.

Грохот, огонь, дым, летят горящие доски, оглушительно лопаются стекла, вагон громоздится на вагон. Но что это?! Из развороченных вагонов выбираются люди. Их много! Свитский поезд!! Именно сегодня его пустили вторым — случайно ли, специально? Неизвестно. Александр II снова ушел от расплаты.

Народовольцы не опустили рук. 5 февраля 1880 года в 18 часов 20 минут ослепительный столб пламени прорезал снизу доверху Зимний дворец. Это сработала мина, заложенная прямо под царской столовой. Но из-за гостей обед был отложен на полчаса, взрыв грянул за 10 минут до появления в столовой царской семьи.

Жандармы и полиция свирепствовали. Все силы бросило государство на разгром «Народной воли». Уничтожена типография — революционеры лишились голоса. Раскрыты явки. Аресты, облавы, провал за провалом. Схвачен даже самый осторожный — Михайлов. Силы таяли с каждым днем. Новое покушение — уже седьмое! — должно было стать последним.

* * *

Ленинград. Каждое название — история: Нарвская застава, Дворцовая площадь, Марсово поле, Невский проспект, Сенатская площадь... И вдруг, рядом с Невским — «Улица Софьи Перовской», а рядом — «улица Желябова»! Почему именно здесь?

Потому что эти камни были

Такой Софья Перовская была в детстве

свидетелями последнего подвига народовольцев, здесь нашло завершение дело всей их — такой короткой! — жизни.

Я стоял на углу канала Грибоедова (бывшего Екатерининского), смотрел на хмурую воду и представлял — каким он был, главный день Сониной жизни...

Соня прохаживается по набережной канала.

1 марта — начало весны. Этот день должен стать последним для Александра II.

Желябов. Андрей, ее Андрей. Позавчера его схватили — нелепо, случайно. Может, удастся спасти? Соня гонит тяжкие мысли. Не время! Сейчас ЕЕ сигнала ждут товарищи, ОНА должна выполнить начатое Андреем.

Такими четкими кажутся три черные фигурки на другом берегу, Игнатий Гриневицкий, Иван Емельянов, Николай Рысаков. В руках у каждого — свертки: бомбы, сделанные замечательным изобретателем Николаем Кибальчичем. Что-то запа́здывает Тимофей Михайлов. Ладно: троих хватит.

Соне виден весь канал и уходящая от него под прямым углом, к Михайловскому дворцу, короткая Инженерная улица. Оттуда, из дворца поедет царь. На повороте карета все-

гда замедляет ход. В этот момент и должна полететь бомба.

Но вот у дворца закружилась поземка. Тускло блеснула сталь. Казаки и жандармы — охрана царя. За ними — карета.

Соня резко выдернула из муфты руку с платком: взмах — условный сигнал.

На повороте карета сбавила ход, выбив из-под колес веер колючего снега. Черная фигурка отделилась от стены. Руки с белым узелком взлетели над головой.

Соня услышала грохот и увидела рыже-алый клубок, распухавший под колесами кареты. Сизые космы дыма поползли вдоль канала. Секунда, другая...

Сбегается народ, стонут раненые казаки. Рысаков затих в железных руках жандармов. А царь... выходит из кареты. Он бледен, напуган, но — невредим!

У Сони упало сердце. Неужели опять — неудача?! Да что же это за злая, неодолимая сила вечно спасает царя?

Александр, чуть шатаясь, пошел к ограде канала — подальше от дыма. Прямо в сторону Гриневицкого.

Скрипит снег под сапогами Александра. Скрипит снег под ботинками Гриневицкого. Еще, еще шаг навстречу друг другу. Навстречу смерти.

Соня замерла. И вновь вскинуты над головой руки со свертком. Между двумя фигурами взметнулся рыжий столб, и дым скрыл место взрыва. Никогда мгновения не казались Соне такими долгими.

Дым рассеялся. На алом снегу сидел смертельно раненый Александр. А рядом лежал изрешеченный осколками Гриневицкий.

...Полиция прочесывает город: ищут участников заговора. Пойманы Тимофей Михайлов, Кибальчич, Геся Гельфман — хозяйка штаб-квартиры народовольцев.

Соне предлагают бежать. Еще не поздно. Но она отказывается: надо спасти товарищей — либо умереть вместе с ними.

10 марта ее схватили на улице. Запираться бессмысленно. Соню опознал Рысаков, который с первых же дней начал выдавать товарищей, надеясь вымолить жизнь. Да, Софья Львовна Перовская. Да, организовала покушение под Москвой и руководила убийством 1 марта. Добавила, что сама не бросила бомбу лишь потому, что ей не хватило. Соучастники? Явки? Никогда! И что-то такое есть в лице измученной женщины, что следователь понимает: действительно — никогда.

О чем, о ком думает Соня в тюрьме?.. Ее жизнь была самосожжением. Аресты, подкопы, побеги, взрывы, облавы... И два светлых образа в неожесточившемся сердце: Андрей и мама, Варвара Степановна.

В нашем доме до сих пор висит ее потемневший портрет. Его написал сын Василия Львовича Перовского, мой прадед Василий Васильевич незадолго до ее смерти. Доброе, бесконечно доброе лицо — безысходная боль в ослепших от горя глазах.

Письма Софьи Львовны не сохранились — конспирация: прочел — уничтожь. Кроме одного, последнего — к маме. Вот оно под стеклом в Музее Революции. Я не могу привести его целиком, и все же послушайте, послушайте живой голос Софьи Перовской:

«Дорогая моя, неоцененная мамуля! Умоляю... побереги себя ради... окружающих... и ради меня... Я о своей участи... не горюю... знала... что... так будет... Я жила так, как подсказывали убеждения: поступать же против них я была не в состоянии... И единственно, что тяжелым гнетом лежит на мне, это твое горе... не знаю, что бы я дала, чтобы облегчить его... во всякие минуты колебания твой образ меня... поддерживал... на коленях умоляю не сердиться на меня... моя участь... не такая плачевная... Твоя Соня».

Суд открылся 29 марта. Обвиняемые — Желябов, Перовская, Кибальчич, Тимофей Михайлов, Гельфман. Здесь же Рысаков — с омерзением отодвинулись от предателя народовольцы. А прокурором... С недоумением вглядывается Соня в холеное капризное лицо. Николай Муравьев. Да, тот самый Коля — незадачливый пират. Этот процесс — такой удачный случай сделать карьеру. Чуть не рыдает Муравьев над судьбой несчастного убиенного царя, требуя смертной казни обвиняемым.

Все. Поток красноречия иссяк. Встает Желябов. Защищает не себя — доброе имя «Народной воли». Пункт за пунктом разбивает все построения Муравьева. Любовь и восхищение в глазах Сони. Таких, как он, ничем невозможно сломить!

30 марта. «Встать, суд идет!» Приговор. Всем — казнь через повешение. Предательство не спасло Рысакова. Узнав, что у Геси Гельфман должен родиться ребенок, казнь ей отложили — до его рождения.

Утро 3 апреля. Последнее утро. Медленно движутся по улицам черные повозки. На них — пятеро в черных балахонах, связанные по рукам и ногам, с дощечками на груди «Цареубийца». О чем думали они в оставшиеся минуты?

Рысаков вряд ли вообще способен был думать: его мозг парализовал страх. А остальные? Наверное, не о смерти. О друзьях, о деле. О том, что их усилия не пропадут даром: придут новые, молодые. Им удастся больше. Рано или поздно царизм погибнет: царство несправедливости не может быть вечным!

Из гущи людей пожилая женщина махнула им платком. Жандармы тут же бросились к ней. Руки у Сони связаны, веревки врезаются в тело. Но сейчас она на миг забыла о боли. О них помнят! Есть они, есть — те, кому дорого счастье народа!

Эшафот. Друзья прощаются. Рысакову Перовская руки не подала.

Петли накинуты на шею. Барабанная дробь. Палач одну за другой выбивает из-под ног осужденных табуреты.

Желябов... Михайлов... Кибальчич... Перовская...

Они погибли — и обрели бессмертие.

АРХИТЕКТОР БУГАЕВ

Галина ВАХНИНА ИЗ КНИГИ «ДЕНЬ МЕДА» **Рисунок А. Ивашенцовой**

Как и откуда появился он в Куве, толком никто не может объяснить. И чего только об этом не говорят!

Зинка слышала от матери, что раньше жил он на самом Крайнем Севере и работал на ледяном острове. Катя же уверяет, что приехал он с жаркого юга, где растут одни только мандарины.

Витьке будто бы говорил дядя Гриша, однорукий фронтовик, что человек этот прибыл сюда с фронта после тяжелого ранения и все разыскивает своего сына, пишет письма, чтоб помогли его найти... Дяде Грише верят, конечно, больше всех, но Лили почему-то кажется, что и это не совсем так. Однако, не будем забегать вперед.

Как-то раз Лили прокрадывается на задворки детского сада, где сверкают кучи угля, лежат колотые дрова и гладко оструганные рейки.

Высокий человек в старой гимнастерке не спеша проходит в глубину двора. На плече у него длинющая доска. Он устраивает свою ношу на козлы для распилки, а сам садится на траву среди одуванчиков.

Он разглядывает доску так, словно за всю жизнь не видел ничего удивительнее. А доска-то как будто самая обыкновенная.

Лили, осмелев, подходит ближе. Он только теперь замечает девочку и смущается. Лили смотрит на него во все глаза. Тогда он подходит по-

ближе, наклоняется, протягивает свою широкую ладонь и вежливо представляется:

— Архитектор Бугаев...

Вдоль его впалых щек свисают седоватые усы. Глаза смотрят мягко и серьезно. Правда, Лили не понимает, что такое «архитектор», ну да не велика беда.

Она терпеливо ждет, когда закончится распилка. А когда мастер переходит к строганию, помогает ему, поддерживая длинные рейки. В воздухе прыгают веселые стружки, а он уже давно не замечает ничего вокруг.

Наконец он останавливается и, приглядев подходящее место, начинает укладывать рейки прямо на земле. Получается что-то похожее на большие крылья.

Мастер отходит на несколько шагов, беспокойно оглядывает творение, крепко зажмуривает глаза... И вдруг его огромные сапоги шагают к рейкам и одним махом разбрасывают их по двору. Лили вскрикивает. За плетнем тревожно лает собака.

Он опускается на землю и закрывает лицо руками.

Лили понимает, что хотел он сделать нечто особое, небывалое, но не удалось, не получилось.

Никогда прежде не приходилось ей видеть человека в таком горе. Девочка потихоньку собирает рейки и складывает их на верстак. Ей вспоминаются необычайные поделки, которых так много в детском саду: резные ковши с жар-птицами вместо ручек, цветные радуги-коромысла, люльки для кукол с поющими пружинами и много чего другого.

И все это дело рук Бугаева.

Но ничего так не занимает его, как возня с рейками. Все свободное время он пытается смастерить из них задуманное, но как видно, не так-то это просто.

Впрочем он оставляет на время это занятие и тогда приключается одна интересная история.

Перед уходом домой в субботу, Лили видит, как мастер поднимается на высокую лестницу-стремянку, приставленную к стене. Лили ждет, что будет дальше. Но он спокойно усаживается наверху, свешивает ноги и наблюдает, как кружат в воздухе первые желтые листья.

А в понедельник все только ахают. На стенах детсада появились красные вишни с зелеными листьями, написанные масляными красками, а под ними, покрупнее, фигурки детей. Они играют, летают или просто спят, уютно свернувшись калачиком в голубом небе. И каждый может узнать себя без труда.

Долго веселятся и дети, и взрослые, разглядывают забавные картинки. Их автор в это время скрывается на задворках, как будто чувствует неладное. И не зря.

Приходит заведующая, строго оглядывает стены, качает головой и велит толстой тете Нюре забелить известью все «эти художества». Правда, подумав, она все же разрешает оставить листья с вишнями. Кое-кто из детей начинает хныкать, так что приходится тете Нюре делать свое черное дело во время тихого часа.

С этого дня на стенах нет-нет, да и появляются нарисованные углем фигуры: бочка в очках — тетя Нюра, стог сена на тонких ножках — заведующая. Чаще всего возникает фигура с длинными усами и с рейкой в руках. Мастер, увидев такое, хмурится, но не стирает — значит, нравится.

Его редко можно встретить после этого случая. Он поспешно пересекает широкий двор, словно торопится скрыться из виду. К тому же Лили кажется, что он совсем позабыл о рейках, и они в полном беспорядке валяются на задворках.

Да и других дел у него немало. Он перекладывает печи, утепляет двери и окна.

Однажды утром Лили с трудом открывает глаза и слышит тихий звон бубенцов на улице. За окном кружатся пушистые снежинки. Зима.

Дети радуются снегопаду. Дома надели белые шапки, а дороги так завалило снегом, что приходится расчищать их лопатами. Лили так и сияет, когда видит мастера во дворе детсада, а он незаметно ей подмигивает.

У всех детей в руках лопаты, а у него — самая большая, совковая. Но он как будто не спешит с работой и подолгу простаивает на месте, то поглядывая по сторонам, то пристально всматриваясь в небо. Потом и вовсе втыкает лопату в сугроб и исчезает со двора. Через некоторое время возвращается снова.

И вот, словно наконец решившись, он хватает лопату и начинает так яростно бросать снег, что все дети, не сговариваясь, спешат к нему на помощь.

Однако вскоре открывается, что он и не думает расчищать дорожки, а старается набросать как можно больше снега в одну кучу. Так трудится он до позднего вечера, пока не вырастает целая гора снега.

А на утро в центре двора возвышается громадный корабль, величиной чуть ли не с дом. Он целиком вылит изо льда, с высокими трубами и такой просторной палубой, что на ней может свободно разместиться весь экипаж. На палубу ведут крутые ледяные ступеньки. Борта сверкают голубым и розовым, видно, мастер поливал их подкрашенной водой.

Но это еще не все. Над кораблем возвышается мачта из свежеструганной жерди, и на ее верхушке трепещет, хлопая на ветру, пунцовый флажок. На носу корабля укреплен настоящий деревянный штурвальчик.

Вы когда-нибудь видели такое? А Лили и ее друзья не только видели, они даже штурвал повернули несколько раз. Лили просто онемела от восторга.

На капитанском мостике находится тот, кто стал с этого дня капитаном. На голове у него красуется бескозырка с ленточками и полустертой надписью, а в руках он держит бинокль на кожаном ремешке.

— Полевой...— застенчиво поясняет он каждому, кто дождался своей очереди взглянуть в него. Далекие горы кажутся совсем близкими, а пожарная каланча — подавно рядом. Видно, как дозорный уютно устроился в уголке, закутавшись в теплый тулуп, и ребята спорят, похрапывает он сейчас или нет.

Но капитан все еще не доволен. Он разглядывает корабль со всех сторон, подправляет синей краской ватерлинию, старательно очищает от снега иллюминаторы, потом уходит со двора и пропадает несколько дней.

Проносится слух, что накануне он до глубокой ночи уговаривал местного кузнеца выковать якорь. Сначала кузнец ни в какую не соглашался, потом пообещал сделать небольшой якорек. Теперь уже не соглашался Бугаев и упорно настаивал, чтоб якорь был никак не меньше метра. И когда спор закончился ничем, мастер опять исчез.

И вот Лили видит собственными глазами, как во двор детсада въезжает, буксуя, грузовик. Веснушчатый молодой шофер спешит помочь Бугаеву, сидящему в кузове. Но тот отстраняет шофера и сам начинает спускать на снег тяжелый полутораметровый якорь.

Вот это да! Откуда здесь в горах, где и морского воздуха поди никто не нюхал, мог взяться якорь? Но якорь, самый что ни на есть настоящий, лежит у всех на виду, глубоко вдавившись в снег.

Шофер, увидев корабль, почесал в затылке и предложил «поставить судно на якорь, чтоб чего доброго, не унесло в открытое море»... Капитан вдруг рассердился:

— Да ты что, парень! Думай, что говоришь! Как это на якорь? Корабль. Корабль, он же... ясное дело, плыть он должен, вот что!

Конечно, плыть! Никто из команды в этом не сомневался, но видели бы вы, как удивился парень. Он даже рот приоткрыл и смотрел на капитана, не мигая.

Итак, якорь был поднят как можно выше и надежно укреплен на носу корабля цепью. Теперь корабль полностью готов к отплытию.

Люди толпятся вокруг корабля. Даже заведующая нет-нет, да и бросит свои дела, чтобы еще раз полюбоваться творением мастера. Сам же капитан уходит в дальний угол двора, садится на бревно и отворачивается. Лили замечает, как у него странно вздрагивает спина...

Она подходит к мастеру и трогает его широкую ладонь. Рука у него совсем холодная, а глаза покраснели от бессонных ночей. Капитан возвращается на корабль. Каждый занимает свое место, и начинаются учения. Лили с колотящимся от счастья сердцем стоит на капитанском мостике с биноклем в руках. В морозном воздухе звенят слова морских команд:

— Слушай мою команду! Отдать концы!

— Есть отдать концы!

— Лево руля! Курс норд-ост! Полный вперед!

— Есть полный вперед!

Учения продолжаются всю зиму. Лили с нетерпением ждет, когда наступит день отплытия.

Наступает оттепель. Карнизы домов блестят сосульками, журчат потоки, быстро съедая высокие сугробы. Корабль же стоит как ни в чем не бывало. На нем не тает ни одна льдинка. Так продолжается и неделю, и две, и больше.

Капитан подолгу простаивает возле корабля о чем-то глубоко задумавшись. К нему то и дело подходят люди потолковать о том, о сем, прикурить самокрутку, а главное — еще раз убедиться, что с кораблем все в порядке. А от земли идет теплый пар, и на деревьях уже набухают почки!

— Надо же быть такому!— недоумевает дядя Гриша, трогая единственной рукой гладкий лед иллюминатора.— Ни в жизнь бы не поверил, кабы своими глазами не видал... Ну и дела! Стоит себе, хоть бы хны, ну будто вот-вот с места тронется...

В это время во дворе появляется тетя Нюра. Она принесла из дому сшитые в один ряд занавески и протягивает капитану:

— Может пригодятся? На паруса...

Внезапно слышится сухой треск. Корабль сильно вздрагивает всем корпусом и вдруг трогается с места, при этом скрипит и качается мачта, и штурвал быстро вращается то в одну, то в другую сторону. Дети радостно кричат, а с капитана падает бескозырка. Из его горла вырываются хриплые звуки, напоминающие смех. Он бросается на капитанский мостик.

— Полный вперед!— кричит капитан, и корабль снова вздрагивает. Раздается дружное «ура», все бросаются на свои места, но судно резко кренится влево и вдруг начинает быстро оседать. Разом обваливается часть палубы, с шумом обрушивается левый борт. Потом все стихает, и в наступившей тишине слышно, как шуршат, сползая, ледяные части корабля.

Он медленно продолжает оседать, склоняя мачту, и весь подтекает цветными красками. Мальчишки стоят вокруг, сняв кепки. Девочки украдкой вытирают слезы. Он погибает, как настоящее морское судно, мужественно и с достоинством.

Капитан, кажется, с трудом понимает, что корабль наполовину развален. Трубы и мачта покосились, словно моля о помощи... Капитан остается на месте до конца, пока корабль не превращается в цветные ручьи и глыбы льда. Он покидает судно последним, а когда сходит на землю, его шатает, как во время шторма. И весь он как-то сгорбился, стал меньше ростом, а его длинные усы уныло свисают вдоль глубоко запавших щек.

Мальчишки тем временем затевают возню из-за штурвала, а Лили снимает с упавшей мачты отяжелевший от влаги пунцовый флажок. Теперь он для нее всего дороже как память о красавце-корабле и его капитане. Она и сейчас его хранит.

Мастер же после этого неожиданно исчезает, и слухи об этом ходят самые разные. Зинка уверяет всех, что он вернулся на север, Катя говорит, что капитан теперь снова на юге. Витька будто бы слышал от дяди Гриши, что у Бугаева отыскался сын, прислал ему письмо. Так что архитектор тут же взял билет — и на поезд...

После него на задворках находят остатки реек, обрывки знакомых занавесок, деревянные обломки странной формы. Никому невдомек, для чего они предназначались, что собирался смастерить из них этот человек. Только Лили твердо уверена, что улетел он на рассвете в небо на деревянном самолете или на воздушном шаре, который построил за одну ночь своими собственными руками.

ГОД ПОБЕДЫ

БОЙ, КАКИХ НЕ БЫВАЛО

Невозможно. Невероятно. Немыслимо. Вот что в один голос твердили нам все, у кого мы пытались узнать о бое, где один наш танк уничтожил двадцать два фашистских. К нам под Ленинград, на место схватки приезжали Зиновий Григорьевич Колобанов и Андрей Михайлович Усов. Колобанов был тогда командиром 3-й роты 1-го отдельного батальона тяжелых танков. Усов — командиром орудия танка «КВ». Встретились мы у поселка Войсковицы, где приняли танкисты неравный бой.

18 августа 1941 года началось для старшего лейтенанта Колобанова вызовом к командиру дивизии генерал-майору В. И. Баранову.

— Так вот, старший лейтенант, своей ротой перекроешь все дороги к Красногвардейску. Так, чтобы ничего немецкого по ним не прошло. Будете стоять насмерть!

Шел август 41-го, и отступать дальше было некуда. Позади был Ленинград. Именно в этом городе, на Кировском заводе, и был сделан их танк «КВ». Машина надежная, с сильной броней.

Рота Колобанова в Гатчине получила двойной комплект бронебойных снарядов. Это означало — предстоит бой с танками. Перекрыли танкисты все три дороги, которые вели к Красногвардейску. Тогда так называлась Гатчина. Назвали в память рабочих отрядов Петрограда, остановивших здесь белого генерала Юденича.

Свою позицию Колобанов выбрал на высотке у средней дороги. Сто пятьдесят метров было до нее. Это выстрел прямой наводкой. Что особенно понравилось всему экипажу «КВ», так это болото. Тянулось оно по обеим сторонам дороги. Так что путь у немцев был только один — под прицелом у пушки «КВ».

Всем экипажем взялись за лопаты и вгрызлись в землю. Она на той высотке была крепкой. Так что пока для своего танка основной капонир вырыли, да запасной — по семь потов с танкистов сошло.

Прошла ночь. Дорога была пустой.

Только во втором часу дня на дальнем конце дороги появился клуб пыли. Первыми протарахтели мотоциклисты.

— Пропустить!— скомандовал старший лейтенант. Приник к прицелу командир орудия Андрей Усов, был наготове заряжающий Коля Роденков, радист Паша Кисельников сгорбился у своей рации.

Наконец показались штабные машины, за ними — танки.

— Двадцать два, — кончил подсчет Колобанов.

В шлемофоне у старшего лейтенанта раздался голос комбата:

— Колобанов, почему немцев пропускаешь?

А старший лейтенант ждал, когда первый фашистский танк подойдет к двум березам у дороги. Деревья были ориентиром для стрельбы.

— Ориентир первый, по головному, прямой выстрел под крест, бронебойным, огонь!— скомандовал Колобанов.

От прямого попадания немецкий Т-III сразу же задымил.

— Огонь по замыкающему танку.— Голос старшего лейтенанта был спокоен.

Выстрел, еще один. Запылали две замыкающих машины. Колонна оказалась в ловушке. С дороги не съехать, слева и справа болото. И откуда-то из засады бьет без промаха пушка. Сначала немцы открыли огонь по копнам сена на лугу, решили, что засада скрывается там. Но быстро разобрались и открыли ураганный огонь по «КВ».

Через несколько минут от кустов маскировки вокруг нашего танка не осталось и следа. Снаряды кромсали 80-миллиметровую «фальшброню» у башни. Танкисты глохли от разрывов, задыхались от пороховых газов. При прямых попаданиях от брони отлетала окалина и врезалась в кожу.

Срезало командирский перископ. Кисельков выскочил из танка и установил новый. Орудие «КВ» било прямой наводкой. Дорогу затянуло дымом, из этой мглы вылетали сполохи выстрелов чужих орудий. Ударом снаряда им заклинило башню. Тут проявил свое мастерство Никифоров, разворачивая для точного прицела тяжелую машину.

А потом разрывы стихли. Дорога молчала. Горели все двадцать два фашистских танка.

Немцы попытались подбить «КВ» из противотанковой пушки. Выкатили ее на опушку, но не успели прицелиться, как Усов метким выстрелом разметал расчет и разбил пушку.

Сменили основную позицию на запасную. Снова наступила тишина. Вдалеке гулко лопались выстрелы танковых орудий. Это вела бой рота Колобанова. Ему докладывали по рации — на всех дорогах немцев не пропустили.

Потом немцы, получившие отпор на лужской дороге, попытались сунуться по дороге на Войсковицы, и опять экипаж Колобанова отбил атаку. Но тут кончились бронебойные снаряды, и комбат дал приказ отойти для пополнения боезапаса. Уже после боя экипаж «КВ» подсчитал — в их танк было 156 попаданий вражеских снарядов.

Бой под Гатчиной надо знать и помнить. Вот в таких боях, гремевших на всей огромной протяженности фронта, подламывалась мощь бронированных дивизий врага и трещала по швам доктрина «блицкрига».

И. ЛИСОЧКИН,
В. СУСЛОВ

ФАБРИКА ПОДЗЕМНОГО ТЕПЛА

У ГЕОЛОГОВ НА КАМЧАТКЕ

С Иваном Черневым, испытателем скважин Мутновской геологической партии мы спустились в небольшой распадок. Из нависшего над ним снежника выбегал ручей, по берегам зеленела трава, расстилался цветочный ковер. И — чудо! — из всякой трещинки в земле вырывались белесые клубы пара. В каждой крохотной воронке, клокоча, кипела глина. Горячие фонтанчики — грифоны — били со дна ручья, согревая его ледяную воду.

Кипящий котел — пар застилал нам глаза.

Иван опускал термометр на веревочке в трещины и щели, забрасывал его, как удочку, в ручей. «77, 100, 110 градусов!» — говорил он, делая пометки в журнале.

— Что, здорово? Мы тут по выходным загораем на травке. Вот в этой ямке я в прошлое воскресенье яйца сварил за минуту. И хлеб подсушил, как в духовке.

Он расхаживал среди шипящих брызг, прыгал на островок, окруженный грифонами. Потом обследовал склон, засыпанный свежим оползнем,— там тоже тонюсенькими струйками пробивался пар.

Я ступал осторожно. Земля, покрытая желто-красным налетом, была зыбкой и хрупкой, податливо проминалась. Прикладывал к ней руку — обжегся. Она словно предостерегала и сулила награду за разгадку своих тайн.

Но зорко охраняли их обступившие котловину вулканы...

На Камчатке свыше 150 таких «парилок», где на волю вырывается энергия земных недр, или геотермальная энергия. Бери, человек, пользуйся — согревай дома и теплицы, строй лечебницы с бассейнами, выращивай ценные водоросли и кристаллы. Только, смотри, не обожгись!

На горячем поле в устье реки Паужетки пробурены скважины, дающие пар для геотермальной электростанции. Она снабжает приморские поселки, рыбозавод. А на плато Мутновского вулкана — там, где я познакомился с Черневым, — вырастет крупнейшая Гео-ТЭС, по мощности равная Днепрогэсу.

Аркадий СОСНОВ

ВЕЧНЫЙ ИСТОЧНИК

Мы, ученые, встревожены: месторождения угля, газа быстро истощаются. Хорошо бы приберечь их для потомков, а взамен использовать новые источники энергии. Желательно, неисчерпаемые. Не думайте, что это красивая, но несбыточная мечта. Такие источники есть: солнце и горячие земные

недра, ветер и океанские приливы.

Знаете, сколько тепла накопила наша планета за свою историю? В 40 миллионов раз больше, чем ежегодно поступает от Солнца. Представляете? Нашему светилу надо трудиться 40 миллионов лет, чтобы создать такой запас. Энергия земных недр очень дешевая — по сравнению с топливом, доступная — лежит под ногами, чистая — не загрязняет атмосферу.

Еще наши далекие предки 4 тысячи лет назад грелись и готовили пищу у горячих источников и паровых струй, бьющих из-под земли.

В те времена человек брал лишь даровое тепло — то, что само выходит наружу. Попробую объяснить вам, как действует горячий ключ. Дождевая вода, проникая через поры и трещины в толщу Земли, превращается в пар и выбрасывается на поверхность. Такой природный источник может работать вечно.

Но вот в прошлом веке в Италии на крупнейшем месторождении подземного пара в Лардерелло впервые пробурили скважину. Что произошло? Приток подземного тепла сразу резко увеличился. Его стали добывать, как нефть и газ, а не собирать как грибы после дождя.

Если попасть скважиной в подземный пласт, насыщенный паром и водой, ударит фонтан вроде нефтяного. Пустить пар на турбину — и можно получать электроэнергию. Именно такой опыт был поставлен в Лардерелло. А сегодня уже в 16 странах действуют геотермальные станции. Среди них и Паужетская ГеоТЭС в Советском Союзе.

Еще выгоднее применять подземный кипяток для теплоснабжения. Самый яркий пример — Исландия. Ее столица Рейкьявик полностью обогревается за счет термальных источников: ни одной котельной, ни одной дымящей трубы. У нас в стране так отапливают районы 17 городов, сберегая уголь, нефть и газ. В Венгрии термальные воды используют в тепличном хозяйстве. Японцы в тепловодных прудах выращивают тропических и аквариумных рыб. Там есть даже геотермальная ферма для разведения крокодилов.

Но главные хранители тепла в подземном царстве — все-таки не пар с водой, а сами горные породы. Все горючие ископаемые, вместе взятые, не составят им конкуренции.

Если двигаться от поверхности к центру Земли, через каждый километр температура повышается в среднем на 30 градусов. Значит, на глубине около трех километров уже могла бы закипеть вода. А кое-где горячие пласты подступают еще ближе. Вот бы заставить их поделиться теплом, особенно в холодных районах планеты!

Об этом много думал академик Владимир Афанасьевич Обручев, работавший в Горном институте. Это был замечательный географ, геолог и писатель, страстный путешественник. Еще в 1920 году в научно-фантастической повести «Тепловая шахта» он описал удивительный город Безмятежный, берущий тепло и свет у подземной скалы. На гербе города был девиз: «Из недр — сила». Идея в том, чтобы направить вниз по трубам холодную воду, она заберет тепло горных пород и выйдет в виде пара. Для этого и нужна шахта или просто две скважины, встречающиеся на глубине — циркуляционная система.

Полвека спустя ее применили для теплоснабжения французского городка Мелона. В нашей стране такая система построена в пригороде Грозного. Вода, нагретая под землей, проходит по трубам тепличного комбината, остывает и снова закачивается в скважину. Удобно, не правда ли?

Но давайте рассуждать дальше. Хорошо, если в недрах есть резервуар с горячими стенками для нагрева холодной воды. А если нет? На этот случай Обручев предлагал в гранитной толще соорудить искусственный котел. Например, сеть трещин, полученных с помощью взрыва. И это уже сделано. В американском штате Нью-Мексико фонтан пара бьет прямо из гранитного массива. Красивое зрелище!

Конечно, разорвать подземный монолит совсем не легко. Зато котел получается прочный и непроницаемый. А главное, гранитные породы есть повсюду: под Ленинградом и в Сибири, в Поволжье и на Урале. Ученые Горного института уже готовят проекты циркуляционных систем для Закарпатья, Дагестана, Ставропольского края. Мы верим, что и среди полярных снегов вырастут города, согретые щедрым теплом Земли.

Юрий Дмитриевич ДЯДЬКИН,
профессор,
заслуженный деятель
науки и техники РСФСР

Раздел ведет кандидат физико-математических наук доцент В. В. ЛАПТЕВ

Задача о кошке, Земле и апельсине («Костер», 1985, № 9), которой заканчивалась предыдущая наша встреча, показала, что выполнять на микрокалькуляторе (МК) арифметические операции вы умеете. Обнаружились и первые интересные особенности МК. Однако, как, казалось бы, ни странно, Электроник поздравляет с наибольшим успехом тех, кто, решая задачу, вообще не стал брать в руки свой МК. Но обо всем по порядку.

Еще раз о кошке над апельсином

Как вы помните, по условию задачи апельсин диаметром 10 см мысленно туго обвязывался шнурком, остаток которого отрезался. Далее шнурок с апельсина снимался и между его концами ввязывался еще отрезок длиной ровно 1 м. Удлиненный шнур располагался вокруг апельсина так, чтобы зазор между шнуром и апельсином всюду был одинаковым. То же самое проделывалось, но уже для Земли вместо апельсина, с добавлением к канату, опоясывающему Землю, по-прежнему ровно метрового отрезка. Спрашивалось, какими будут образовавшиеся вокруг апельсина и вокруг Земли зазоры и сможет ли сквозь них пролезть кошка?

— Что за вопрос? — так и слышатся возгласы. — Достаточно взять МК, и «обхват» апельсина радиусом R_a вот он, на индикаторе:

$C_a = 2\pi R_a = 2\pi \cdot 5 = 31{,}415...$ (см)

Длина же шнурка со вставкой $C_a + L \approx 131{,}4$ см. Радиус образуемой им окружности

$$R_1 = (C_a + L)/2\pi = 131{,}4/2\pi = 20{,}915 \text{ (см)}$$

Следовательно, зазор для кошки $(R_1 - R_a) \approx 21 - 5 = 16$ (см)

Думается, зазор в 16 см вполне достаточен, чтобы сквозь него пролезла кошка. Сомневающиеся могут проверить вывод экспериментально, а о результатах этого достаточно опасного эксперимента сообщить всем своим знакомым.

— Ничего нет проще повторения таких же выкладок для Земли,— продолжат оптимисты. — Большие числа? Пустяк, ведь считать будем не в уме, а на МК.

Итак, если экваториальный радиус Земли $R_3 = 6\,378\,160$ м, то длина опоясывающего Землю каната

$$C_3 = 2\pi R_3 = 2\pi \cdot 6\,378\,160 = 40\,075\,160 \text{ м.}$$

В соответствии с условием задачи к этой длине необходимо добавить еще 1 м, после чего для нахождения радиуса новой окружности результат следует разделить на 2π.

И вот здесь многие из вас с удивлением обнаружили, что новый радиус мог оказаться равным старому R_3, а иногда и меньше его.

Дело в том, что результат вычислительных операций с последним разрядом максимально помещающегося на индикаторе вашего МК числа часто оказывается в пределах погрешности вычисления. Другими словами, ручаться за правильность полученных при расчетах на МК последних цифр столь больших чисел нельзя. Это полезно запомнить.

В таком случае, возвращаясь к задаче, выходит ли, что до конца выяснить способности кошки так и не удастся? Оказывается, нет. Ведь для ответа на вопрос задачи МК и вообще не нужен.

Действительно, длина любой обвязки $C = 2\pi R$. Длина обвязки со вставкой $C + L = 2\pi(R + X)$.

Отсюда зазор $X = L/2\pi$. То есть, как это ни удивительно, зазор вообще не зависит от радиуса апельсина или Земли. В полученную над Землей щель в те же, что и над апельсином, 16 см кошка, как мы уже выяснили, прекрасно пролезет.

Однако главной заслугой кошки следует считать все-таки не это, а полученное нами с ее помощью представление о МК, как об электронном устройстве, которое самостоятельно решать задачи не умеет. Решать их должны вы сами. А вот помочь вам в наиболее трудоемких расчетах — его прямая обязанность.

От больших чисел к малым

Необходимость учета погрешности в вычислениях с большими числами теперь нам уже очевидна. Но оказывается, что и в операциях с малыми числами погрешность также существенна. Более того, наличие погрешности в вычислениях приводит к тому, что нарушается ряд хорошо известных нам из математики законов.

Если ваш МК не допускает степенного представления числа, проведите с его помощью предложенное ниже умножение и убедитесь, что результат зависит от перестановки сомножителей:

$0{,}0015 \times 0{,}01328 \times 0{,}02 \times 10{,}54 \times 100{,}5 = ?$
$0{,}0015 \times 0{,}01328 \times 10{,}54 \times 0{,}02 \times 100{,}5 = ?$
$0{,}0015 \times 100{,}5 \times 0{,}01328 \times 10{,}54 \times 0{,}02 = ?$

А теперь, экспериментируя с МК, постарайтесь убедиться, что результаты, подобные только что проведенному умножению на МК с естественным представлением чисел имеют наименьшую погрешность при соблюдении правила: при каждой операции умножаются самый большой на самый малый из оставшихся сомножителей, включая результат предыдущего умножения.

Завершим разговор о погрешностях и о важности анализа получаемых результатов словами немецкого математика XIX века Карла Фридриха Гаусса: «Недостатки математического образования с наибольшей отчетливостью проявляются в чрезмерной точности численных расчетов».

Счет в игре

«Подача слева, счет 20:18». Кто не слышал подобных слов арбитра, например, при игре в настольный теннис! А видели ли вы судей, которые перед такого рода фразой нажимают на клавиши МК? Если нет, то взяв свой МК, вы сможете стать первым и, надеюсь, самым справедливым из них.

Прежде всего отведите на индикаторном табло вашего МК по несколько разрядов для счета очков каждого из двоих играющих. В играх, результат которых не может быть более, чем 99:99, счет первого из начавших набирать очки ведите на двух крайних старших разрядах. Далее нулем обозначьте разделение счета. Четвертую и пятую цифры используйте для счета второго игрока.

Пусть один из играющих получит первые два очка. Наберите на МК его счет 02, затем тут же 0 как раздел счета и 00 — счет второго играющего. На табло 02000 или просто 2000. Первый игрок получил еще одно очко. Прибавьте его к предыдущему счету, набрав на МК в качестве слагаемого 01, затем раздел — 0 и второй счет — 00. На табло 3000. Теперь очко получил второй играющий. Прибавим и его, введя в МК новое слагаемое 00, раздел счета цифру 0 и счет второго — 01. На табло 3001. Наконец, первый играющий получил еще 8 очков. Вводим 08000. После сложения на табло 11001, т. е. счет 11: 01. Понадобится прибавить, например, 13 очков второму играющему — сделайте это введением в качестве очередного слагаемого числа 00013. На табло 11014, что соответствует новому счету 11:14 и т. д. в пределе до максимума 99:99.

Для игры с максимальным счетом , 999:999 или любым меньшим с первого по третий и с пятого по седьмой разряды выделите для счета, а в четвертом разряде МК ставьте ноль в качестве разделителя. Все остальное аналогично предыдущему.

Успехов вам, арбитры с микрокалькуляторами!

ЖАЛОБЫ АРБУЗА

М. ТАХИСТОВА

Ну что за народ несмышленый!
Меня выбирали пока,
Пиджак захватали зеленый,
До боли намяли бока!
Словами меня не спросили,
А щелкнули разика три.
И к уху меня подносили,
И слушали: как там внутри?
И после,
Движеньем небрежным,
Швырнули: не нужен ты нам!
А был я настолько
Созревшим,
Хоть режьте меня пополам!

ЧУЖАЯ УЗДЕЧКА

РАССКАЗ

Ахмед УСТАРХАНОВ
Рисунок Н. Куликовой

Куда бы я не отправлялся, мама всегда предупреждала: «Смотри, сынок, остерегайся чужой уздечки».

— Анай, что это за «чужая уздечка» и почему ее надо остерегаться? — спросил я ее однажды.

— Если тебе кто-нибудь наденет уздечку, то тебя как лошадь будут водить куда угодно, захотят на твоей шее кататься, а захотят и в плуг могут запрячь,— ответила мама.

— Как запрягут? Кто запряжет?

— Как кто? Тот, кто наденет на тебя уздечку...

Как-то раз мама послала меня узнать, работает наша мельница или нет — ей надо было помолоть кукурузу.

Я отправился на мельницу и по дороге встретил своего приятеля Баммата. Под мышкой у него был маленький топорик, а в руках дудочка.

— Что я тебе скажу по секрету, только чур никому не говорить,— как заговорщик сказал Баммат.

— Скажи, что?

— Никому не скажешь?

— Честное слово.

— На горе Гасан-тёбе живет тюлкю-лиса, я нашел ее нору. Когда я к ней подхожу и начинаю играть на дудочке — из норы выходят два лисенка и слушают. А? Какие красивые! Хочешь посмотреть — идем со мной.

— Слушай, ведь меня послали узнать работает мельница или нет.

— Я только что оттуда, нет шума мельницы.

И я поверил ему — кому не хочется увидеть лисят, которые выходят из норы, когда играют на дудочке?

Мы добрались до Гасан-тёбе, залезли на нее и пошли дальше, а лисьей норы все не было, и я почувствовал что-то неладное.

Когда мы пришли в местечко Тобургу-бет, Баммат, ничего мне не объясняя, начал рубить топориком прутья для метлы.

— Где же твои лисята? Ты меня обманул, да? — закричал я.

— Ха-ха-ха! Поверил. Тоже! Маленький, что ли, чтобы не знать! Звери не очень увлекаются музыкой,— рассмеялся Баммат,— просто мне было скучно одному сюда идти.

— Врун ты и больше никто,— сказал я и пошел обратно. Я шел и злился на Баммата всю дорогу.

Дошел до футбольной площадки, смотрю, ребята собрались играть.

— Эй, Акай, иди к нам, одного не хватает,— позвали они меня.

— Не хочу!— крикнул я им.

— Постой! Ты будешь капитаном! Ты что, не хочешь быть капитаном?

Я никогда еще не был капитаном.

— Чуть-чуть поиграю, до первого гола буду капитаном,— решил я.

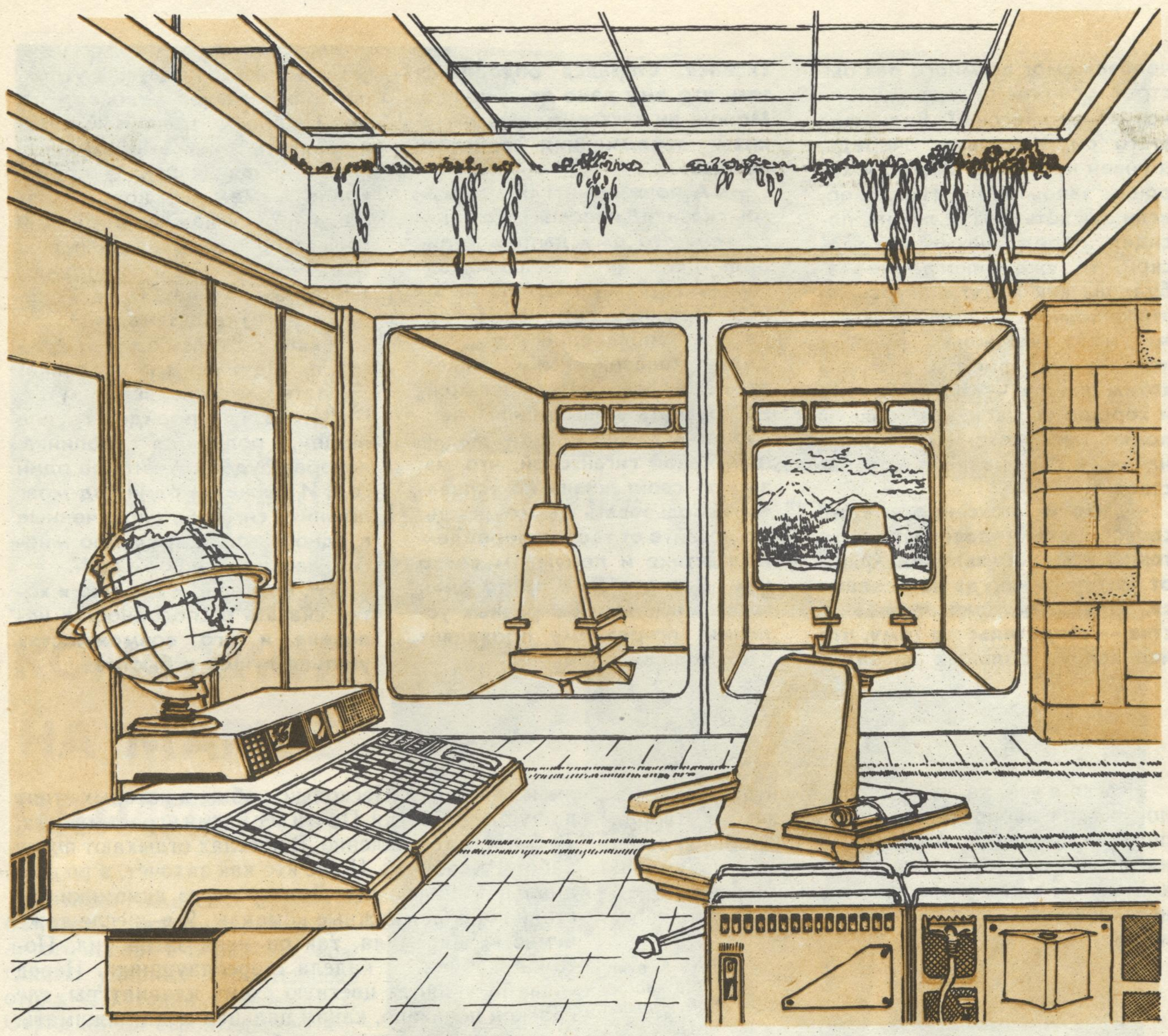
Играли мы до вечера, и я совсем забыл про мельницу. Когда я вернулся домой, я сразу почувствовал запах свежемолотой кукурузной муки. Анай уже испекла из нее чапелеки.

— Ну как, — спросила она,— сходил на мельницу?

— Шума там не слышно...— краснея, пробормотал я.

— И на чью же уздечку ты попался?— ласково улыбнулась мама.— Иди вымой руки и садись за стол, будем ужинать.

ЧТО ТАКОЕ ГАОС?

У нас в гостях
кандидат психологических наук Анатолий Михайлович ЗИМИЧЕВ
и доктор биологических наук Юрий Александрович ВОРОНОВ

— Анатолий Михайлович, Вы были руководителем детской экспериментально - психологической лаборатории Ленинградского Дворца пионеров, когда в лаборатории родилась идея создать систему быстрого обучения. Скажите, пожалуйста, когда и как это произошло?

— Это было лет 15 назад. На одном из занятий в лаборатории мальчишки и девчонки фантазировали. Я сидел и слушал. В таких случаях я всегда стараюсь им не мешать. И вдруг слышу: «Давайте придумаем такой кабинет, чтобы в нем можно было быстро учиться. Ведь многим надоедает учиться не потому, что неинтересно, а потому, что долго».

Кто высказал такое предложение, я, честно говоря, не помню. Но помню, что идея захватила всех присутствующих, в том числе и меня. Стали думать. И пришли к выводу, что вначале надо попробовать сделать кабину для одного человека. Почему? Что делает человек, когда у него всего на один день появляется интересная книга или ему надо срочно выучить роль для школьного спектакля? Он старается уединиться, забраться куда-нибудь в укромный уголок, чтобы никто не мешал. Точно так же поступают все ученики и студенты, когда готовятся к экзаменам и зачетам. Времени в таких случаях всегда не хватает, а готовиться надо быстро.

Свою идею ребята увезли с собой, в пионерский лагерь «Зеркальный» под Ленинградом, и там вместе с другими ребятами продолжали ее обсуждать. Словом, проверяли идею и на ходу дорабатывали ее. Вопросов, конечно, прибавлялось.

Предстояло, например, выяснить, что нужно, чтобы любой

человек смог во много раз быстрее освоить программу или новую профессию? Ведь для этого он, в первую очередь, должен научиться быстро и хорошо запоминать. Например, если ты хоть раз в жизни посидел перед шахматной доской, то уже никогда не забудешь, как ходят фигуры. Ты это запомнил не только глазами, но и немножко руками, когда двигал фигуры. Если мы хотим помочь человеку быстро и хорошо учиться, мы обязаны понять весь механизм запоминания, чтобы на него воздействовать.

— Юрий Александрович, но способности человека — это тоже реальное явление, факт, от которого никуда не денешься. И вся история человечества — свидетельство тому, что человек на большее не замахивался, старался обходиться тем, что ему дано от природы. Можно ли заставить наш механизм запоминания работать лучше?

— А почему нет? Вот вы сами сказали, человек обходится тем, что ему дано от природы. Вспомните, в нашем мозге около 12 миллиардов нервных клеточек-нейронов. Отсюда идет управление всем, что делает человек, о чем думает, что переживает. Наш мозг можно сравнить с гигантской электронно-вычислительной машиной. Такой гигантской, что мы за всю свою жизнь не успеваем использовать ее мощность. Но давайте от теории перейдем к практике и подумаем вот о чем. Давно известно, что один и тот же человек в разных условиях по-разному проявляет свои возможности.

Представьте себе, как утром по полю прошел человек. Что произошло с травой? Сперва примялась, затем выпрямилась. Аналогичная картина происходит в момент, когда мозг получает сигнал информации только по одному из каналов. Этот сигнал может быть принят, а скорее всего нет, то есть следа от него не останется.

А если по траве один за другим пройдут два-три человека? Вероятно, что следы останутся.

Ну, а когда пройдет группа людей, получится тропинка, которая будет служить не один год. И также не один год мозг помнит сигналы, полученные в одно и то же время по многим каналам информации.

Вот, пожалуй, и все, что я хотел сказать о способностях человека и его возможностях учиться лучше и быстрее.

«Когда я узнала, что в экспериментально-психологической лаборатории Ленинградского Дворца пионеров имени А. А. Жданова разрабатывается идея кабинета быстрого обучения, я подумала: хорошо бы в нем учиться. Но мама сказала: «Это нереально. В Ленинграде и без тебя желающих достаточно».

Света Коряк,
8 класс,
Нефтеюганск

«Службу завершил ЗПТ готов первому зову вылететь прохождения учебы ЗПТ все расходы беру себя ЗПТ А Гусев Краснознаменный Черноморский флот ТЧК».

«Оказывается, таких кабинетов уже не один, а несколько, и у каждого несколько программ обучения. Я решила научиться печатать на машинке. И вот пришла в такой кабинет. Первое, что увидела: в нем черные стены с золотыми блестками. И потолок такой же. Кресла, как в самолете. Причудливые растения. Несколько кабин, в которых стоят пишущие машинки. Почти все время играет музыка. То быстро, то медленно. В креслах отдыхают после работы в кабинах. Но не кто как захочет, а по специальной программе. Диктор через динамики постоянно подает нужные команды. Я в кресле даже немного задремала, так он меня заговорил. Потом — кабина. Я надела стереонаушники. Перед глазами увидела цветную схему клавиатуры, где краской показано, каким пальцем куда нажимать. А на самой машинке все буквы на клавишах заклеены. Я стала выполнять команды диктора. Сначала он диктовал буквы, потом слова. Темп печатания все ускорялся. Было интересно. Хотелось успеть за диктором и за музыкой. Потом я сидела перед киноэкраном и увидела клавиатуру машинки. На клавишах загорались буквы. Потом я узнала, что они бежали со скоростью до 360 знаков в минуту. Я должна была успеть за ними, ударяя по клавишам на столике передо мной. Но не успевала и расстроилась. Тогда мне сказали, что главное не в том, чтобы успеть, а в том, чтобы хотеть успеть...»

Лена Замятина,
Ленинград

С классом-автоматом машинописи можно познакомиться на выставке «Интенсификация-90». Там для него придумано особое название: гибкая автоматизированная обучающая система или коротко — ГАОС. «Гибкая», «Автоматизированная» — потому что командует классом не человек, а автомат по особой программе обучения. Слово «обучающая» объяснять не нужно, и так понятно. А слово «система» подразумевает класс, кресла, магнитофоны, кинопроекторы, программы.

...Такие кабинеты уже построены в Ленинграде, Казани, Вологде, Баку.

В них прошли обучение, про которое пишет Лена, уже несколько тысяч человек. Чтобы научиться печатать на машинке всеми десятью пальцами, требуется 4 дня.

За шесть-семь дней можно освоить любое клавишное устройство.

Материал подготовил М. БЕЛОУСОВ

КОМСОМОЛ НА МАРШЕ ПЯТИЛЕТКИ

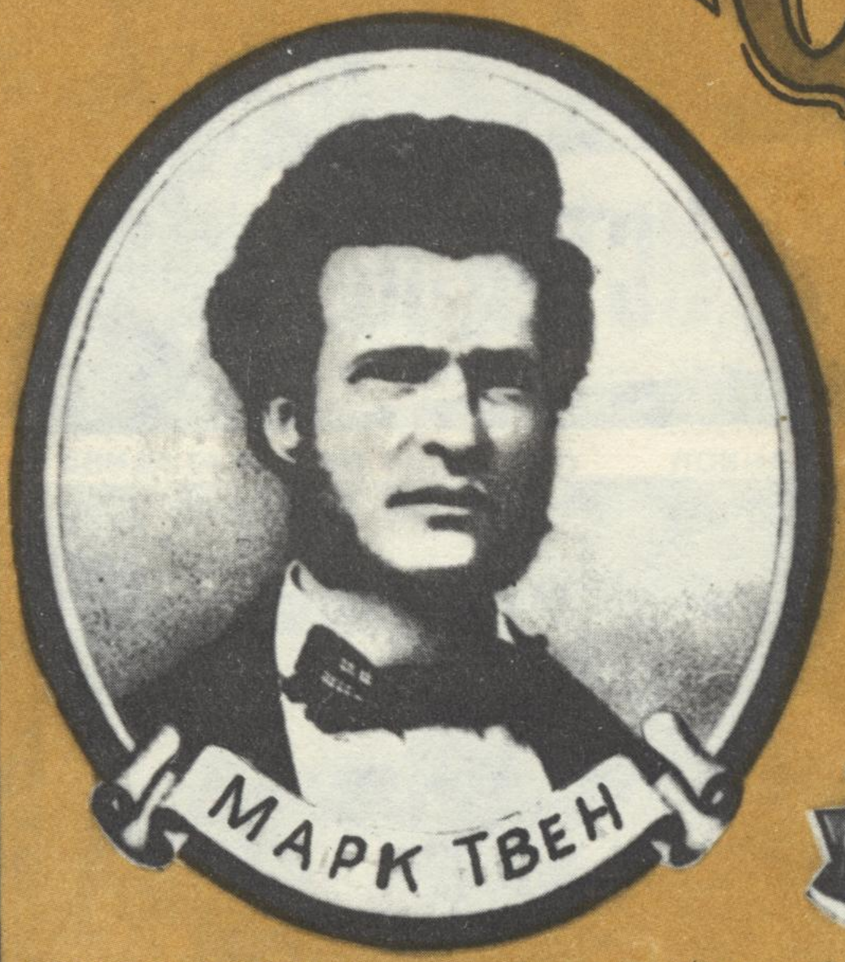
Алексей Иванченко, недавний бамовец, участник укладки «золотого звена» в Беркаките, возглавил ударный строительный отряд «Якутский комсомолец». Отряд начал строительство железнодорожной трассы от БАМа дальше на север, из Беркакита на Якутск. Протяженность новой трассы 830 километров.

Молодой педагог Галина Ивановна Шаронова — сибирячка, она учит детей строителей в поселке Новая Чара.

Виталий Третьяков работает матросом на большом рыболовном траулере «Иван Малякин». Их траулер ведет промысел в Тихом океане, Японском, Охотском, Беринговом морях.

ЛОЦМАН С МИССИСИПИ

«Слушай-ка, Гек, если мы выроем клад, что ты сделаешь со своей половиной?

— Я? Каждый день буду покупать пирожок и стакан содовой воды, буду ходить в каждый цирк, который приедет в наш город. Уж я знаю, что мне делать, чтобы прожить весело!

— Неужто ты ничего не отложишь в запас?

— Откладывать? Это к чему же?

— А к тому, чтобы хватило и на будущий год.

— Ну, это зря. Если я не истрачу всех денег, в наш город как-нибудь вернется мой папаша и наложит на них свою лапу. А уж после него не поживишься! Будь спокоен, очистит все!..»

Вы, конечно, сразу угадали, откуда этот отрывок. Наверное, в нашей стране нет ни одного мальчика и ни одной девочки, которые не читали бы замечательной книги американского писателя Марка Твена «Приключения Тома Сойера».

Удивительный писатель Марк Твен!

Вы читаете его «Тома Сойера» в девять или в десять лет, и Том становится вашим хорошим другом. Вместе с ним вы играете в Робин Гуда, ловите рыбу с плотов на реке Миссисипи, ищете зарытые разбойниками клады, клюете носом во время зубрежки уроков в воскресной школе.

Потом вы становитесь старше и лет в четырнадцать-пятнадцать снова беретесь за «Тома», потому что вам хочется вспомнить друзей детства. И к своему удивлению замечаете, что старая дружба не угасла, а наоборот, стала крепче и задушевнее. Да еще к этому времени у вас появляются трое новых друзей — «Принц и нищий» и «Гекльберри Финн». Нет, четверо — я забыл негра Джима из «Гекльберри Финна».

Но вот еще несколько лет — и вы еще раз откроете для себя нового Марка Твена — человека, блестяще рассказывающего самые невероятные истории, причем рассказывающего так, что вы надрываетесь от хохота. Да что там говорить, прочтите хотя бы рассказы «О хорошем мальчике» и «О дурном мальчике».

Сначала вам покажется, что Марк Твен дурачился и писал

все это, чтобы позубоскалить от души. Но в один прекрасный день вы заметите, что смех у него грустный, иногда злой, а подчас — беспощадный. Марк Твен всегда считал, что смех — это острейшее оружие, что этим оружием можно убить так же, как хорошо отточенным кинжалом. И он пускал этот кинжал в ход против ханжества, лицемерия, подлости и несправедливости. Он обнажал его в защиту негров, индейцев, разоряемых фермеров и индустриальных рабочих. Он смеялся над денежными мешками вроде Рокфеллера и Гульда. Он смеялся над самим Теодором Рузвельтом — в то время президентом Соединенных Штатов.

Вот послушайте:

«Мистер Рузвельт — самое ужасное из всех бедствий, какие обрушивались на нашу страну со времен Гражданской войны, но огромная масса населения обожает его, любит его до безумия, просто боготворит. Такова истина. Она звучит, как клевета на умственные способности рода человеческого, но это не так: возвести клевету на умственные способности рода человеческого совершенно невозможно». Это из «Автобиографии».

Он не щадил даже своих земляков:

«Не знаю, к худу или к добру, но мы продолжаем поучать Европу. Мы занимаемся этим уже более ста двадцати пятилет. Никто не приглашал нас в наставники, мы навязались сами. Ведь мы — англосаксы. Прошлой зимой на банкете в клубе... председательствующий провозгласил громким голосом и с большим воодушевлением: «Мы — англосаксы, а когда англосаксу что-нибудь надобно, он идет и берет»... Если перевести эту декларацию на простой человеческий язык, она будет звучать примерно так: «Мы, англичане и американцы, — воры, разбойники и пираты, чем и гордимся».

Это из статьи «Мы — англосаксы».

От него попадало церкви:

«Логика коров и христиан. Я имею в виду доказательство истинности религии — логическое упражнение, которое христиане наряду с коровами рассматривают, как мыслительный процесс». Это из записной книжки. Здесь же, в книжке, набросано несколько таких строк:

«На заседании правительства США.

— Убито двести индейцев.

— Во что это обошлось?

— Два миллиона долларов.

— За эти деньги можно было бы дать им высшее образование».

...Настоящее его имя было Сэмюэл Ленгхорн Клеменс. Он начал работать с четырнадцати лет — сначала наборщиком в небольшой газете, потом лоцманом на реке Миссисипи. Потом его унесло в Неваду на серебряные прииски, но серебра там он не нашел и переехал в Калифорнию искать золото. С золотом ему тоже не повезло. Зато повезло на встречи и на разговоры. Он очень любил вечерами у костра или в хижине у огня в очаге слушать разные истории, которые рассказывали разные люди, забредшие к нему в гости. Тогда же он пробовал писать. Так появилась «Знаменитая скачущая лягушка из Калавераса». Он отправил рассказ в Нью-Йорк, в газету, и к его удивлению рассказ не только напечатали, но признали одним из лучших рассказов года! Так началась для него новая жизнь — жизнь писателя.

Не думайте, что его литературный путь был так легок, как я здесь написал. Несколько раз он разорялся почти начисто. Издательство, основанное им, в конце концов лопнуло, и ему пришлось поехать в кругосветное путешествие, во время которого он непрерывно выступал в разных городах и странах. Вся выручка от публичных чтений рассказов во время путешествия ушла на то, чтобы погасить долги. Во время путешествия в короткие часы отдыха он работал, и, когда вернулся в Америку, у него была подготовлена к изданию новая книга, фантастический роман «Янки при дворе короля Артура». Казалось бы, все хорошо — долги выплачены, имя его гремит по всему свету, но тут его подстерегают два удара подряд. В возрасте двадцати пяти лет умирает его любимая старшая дочь Сюзи, а на следующий год — старший брат Орион... Трудно представить, как он не потерял способности шутить и смеяться после этого. Но, видимо, такой был у него склад характера, что он улыбался даже перед смертью. Просматривая за несколько дней до кончины страницы своей «Автобиографии», он написал к ней предисловие. Начал он так:

«Когда я пишу эту «Автобиографию», я ни на минуту не забываю, что держу речь из могилы. Это в самом деле так: меня не будет в живых, когда книга выйдет в свет.

Я предпочитаю разговаривать после смерти, а не при жизни по весьма серьезной причине: держа речь из могилы, я могу быть откровенен...»

Когда его спрашивали, какие свои книги он любит больше всего, он неизменно отвечал: «Тома Сойера» и «Гекльберри Финна».

Двум этим мальчикам поставлен памятник в городе Ганнибале, на родине писателя. Бронзовые Гек и Том несут на кладбище дохлую кошку. Это один из первых памятников литературным героям в мире. Рукопись повести «Приключения Тома Сойера» тоже по-своему замечательна. Она была первой рукописью в мире, отпечатанной для издательства на пишущей машинке. Марк Твен очень любил всякие технические новинки. В год окончания повести американская фирма «Ремингтон» выпустила в продажу первую партию патентованных пишущих машинок. Марк Твен сразу же купил машинку, быстро освоил ее и сам перепечатал свою рукопись.

30 ноября 1985 года многие мальчики и девочки нашей планеты отметят день рождения своего далекого заокеанского друга. Ему исполнится 150 лет.

Николай ВНУКОВ

ЗЕЛЕНЫЕ СТРАНИЦЫ

Выходят под редакцией
писателя Н. СЛАДКОВА

НОЯБРЬ

Глянешь утром в окно — белым-бело! Первый снег покрыл и траву, и кусты, и деревья... Лужи тонким ледком затянуло. Тихо. Небо — серое. Хорошо, если солнышко выглянет, растопит первый снег, первый ледок. По первому снегу — первые следы: лось прошел-прошагал, заяц напетлял, лиса осторожно следочки проложила.

Все приготовилось к зиме. У кого — теплая шуба, у кого в норе запасы, а у медведя — берлога, жир под толстой шкурой да крепкий сон...

* * *

Ели водят хоровод
На полянке зимней.
Снег идет, снег идет
Снегопадом сильным.

Вот по лесу шла лиса,
Зайца чуяла она.
Он запутывал следы,
Убегая от кумы.

Даша Максумова,
Ленинград

НЕ ЛЕНИСЬ - ОТГАДЫВАЙ!

В лесу — ни шороха, ни звука. Только следы говорят, что даже зимний лес не остается пустынным. Вот лежка рябчика — уютная ямка, а там его «визитная карточка» — помет. Под елью — следы белки. Нашла она еловую шишку, погрызла и оставила на пенечке чешуйки и стерженек от шишки. Здесь заяц глодал поваленную ветром осину. Тут лось прошел, объедая верхушки кустарников. Рядом с дорогой прошли кабаны и по старой привычке заглянули к летней подкормке. А на ней уже нет зеленого овса... Перерыли все и ушли.

Много следов можно встретить зимой в лесу. Каждый след — загадка. Только не ленись отгадывать!

Юннат ***Денис Бахвалов,***
6 класс

СООБЩЕНИЯ

Пятиклассник Алеша Шенаев принес в кружок юннатов замерзшего ворона. Птицу отогрели и накормили. Прозвали ворона — Карлушей. Он так привык к ребятам, даже на свою кличку отзывается: «Кар-ра-шо! Кар-ра-шо!»

Сейчас Алеша в живом уголке ухаживает за морскими свинками, хомяками, ужами и кроликами.

— Но больше всего я люблю птиц, — говорит Алеша. — За одним голубем я наблюдаю с третьего класса. Голубь живет на улице, и я его подкармливаю. Когда-то у него было подбито крыло — я и стал о нем заботиться. Каждый день по дороге в школу несу ему хлебные крошки. Он рад-радешенек. Крыло давно выздоровело, и голубь летает за мной, просит добавки. Я скучаю по нему, если долго не вижу. А дома у меня живут кошка с собакой и очень дружат. Я убедился, что если к животным относиться с любовью и лаской, то они отвечают тем же.

Справочный отдел

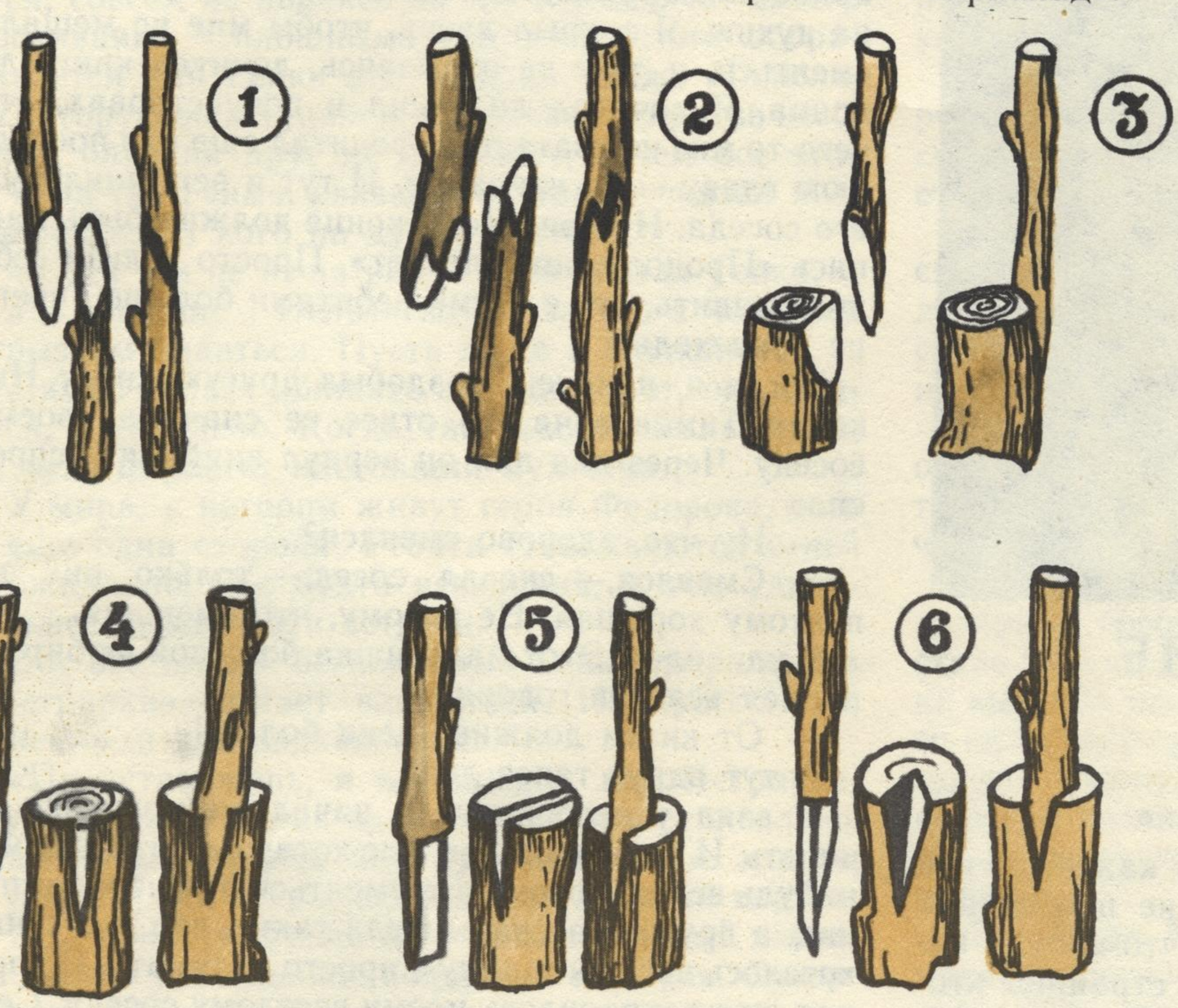
Уважаемые «Зеленые страницы»!

Если можно, расскажите: какие есть способы прививки черенком?

Лена Сладикова,
г. Пушкин

Дорогая Лена! Наш художник постарался нарисовать несколько способов прививки черенком.

1. Простая прививка.
2. Прививка с язычком.
3. Прививка «вприклад».
4. Прививка «за кору».
5. Прививка «в расщеп».
6. Прививка в трехгранный вырез.

У нас небольшой сад. Я часто помогаю бабушке в саду. Но мы не могли найти в продаже садовый вар. А без него нельзя обрезать сучья. Как самим приготовить такой вар?

Коля Рывков,
Калинин

— Дорогой Коля!

Садовый вар, конечно, совершенно необходим для многих работ в саду. В продаже он бывает редко. Но можно приготовить его и самому. Садовый вар должен быть вязким и жирным, чтобы его не смывало с черенка или с ветки. Для приготовления садового вара возьми $^1/_3$ часть канифоли, $^1/_3$ часть пчелиного воска и $^1/_3$ несоленого свиного жира. Смесь нужно расплавить на медленном огне, перемешивая в течение двадцати минут. Затем дать смеси остыть, добавив несколько ложек растительного масла. Срезы можно замазывать и масляными красками, но приготовленными на натуральной олифе. Большие раны на дереве можно замазывать глиной, смешанной с коровяком и грубой шерстью.

ИЗ ГОРОДА НИКОЛАЕВА

Это мой ворон Карлуша!

ПРОВЕЛИ ОПЫТ...

Юннаты областной станции провели опыт.

Они решили проверить, какой из двух сортов лука — стригуновский или сорочинский — лучше приживется на николаевской земле. Сперва ребята замочили луковицы, чтобы лучше прорастали. Потом пересадили лук на грядки. Пололи, поливали. В конце лета сняли богатый урожай: стригуновского лука — 230 центнеров с гектара, сорочинского — только 140. За эту работу пятиклассника Андрея Леконцева наградили медалью ВДНХ СССР. Андрей рассказал:

— Я занимаюсь в кружке растениеводства. Мы наблюдаем за прорастанием семян различных растений, например, арахиса, подсолнечника, кукурузы. Готовим мы и семена к посеву на грядках. Всего на нашем участке произрастает 150 культур. В будущем году впервые будем выращивать джут.

Сообщения доставил и фотографии сделал В. ПАРФЕНОВ

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

Дни как страницы в книжке. И у каждого свой секрет. Иногда с утра до вечера не присядешь: бегаешь, бегаешь, а все равно — что-нибудь интересное да пропустишь. Будто эти страницы кто-то раньше времени переворачивает. Сегодня-завтра, сегодня-завтра... Сколько этих секретов за год набирается — страшно подумать. А за два? Целая секретная жизнь с неизвестными приключениями. И ведь не перелистаешь эти страницы назад, не дочитаешь их. Или все-таки есть люди, которые знают, как это сделать?

Однажды по Васильевскому острову шел человек. Он шел не спеша и сразу увидел этот странный дом. (Те, кто ходят не спеша, вообще видят много интересного.) Человек хорошо знал этот дом, в нем родился и вырос, но не сразу разобрал, что в нем необычного. Он посмотрел внимательно на темные окна и вдруг понял — дом был пустой. Наверное, начинался ремонт, и жильцы разъехались кто куда.

По пустой лестнице он шел мимо раскрытых дверей, пока не поднялся на знакомую площадку. В его квартире строители еще не начинали работать, и он прошел прямо в комнату. В углу на обоях было записано что-то. Человек нагнулся и узнал свой мальчишеский почерк.

Сначала он вспоминал, что значат эти выцветшие буквы, но вспоминалось что-то совсем другое, что-то такое, чего и не было на самом деле, но интересное и веселое. Тогда он вернулся домой и записал все, что вспомнил. А потом вспомнил еще и тоже записал. И теперь не нужно было ходить в старую квартиру, потому что так и остались рядом с ленинградским писателем Федоровым его герои и их бесконечные приключения.

Меня познакомил с ними сосед, школьник. Однажды он пришел ко мне с книгой и спросил, где бы ему достать продолжение. Тесно сдвинутые дома были нарисованы на обложке, и парил над ними маленький дельтаплан. «Богиня победы» — прочитал я название и оставил книгу у себя на один вечер.

Сначала меня просили смеяться потише, потом прибавили громкость у телевизора, потом выгнали на кухню. Я закрыл дверь, чтобы мне не мешали смеяться, и, уже не отрываясь, дочитал книгу до конца. Я дочитал до конца и почувствовал, что чего-то мне не хватает. Перечитал еще раз последнюю главу — то же самое. И тут я вспомнил своего соседа. Ну конечно, в конце должна быть надпись «Продолжение следует». Просто нельзя себе представить, что с этими ребятами больше ничего не происходит.

Когда я, наконец, раздобыл другую книгу Николая Тимоновича, то отнес ее сначала своему соседу. Через два дня он вернул книгу, и я спросил:

— Ну что, здорово смеялся?

— Смеялся,— сказал сосед,— только она не поэтому хорошая. Не потому, что смешная.

Я удивился. Этот мальчишка большой любитель посмеяться. Он говорит:

— От книги должны щеки болеть!

А тут вдруг такое дело.

Я взял у него книгу и начал внимательно ее читать. И одни рассказы мне хотелось читать кому-нибудь вслух, потому что смеяться лучше в компании, а другие рассказы были такие, что после них хотелось побыть одному и просто подумать. И я понял, что понравилось моему веселому соседу. Секрет заключался в главном герое Федорова, а главным героем была настоящая дружба.

Знаете, как это бывает: дружат ребята — водой не разольешь, и вдруг из-за смешного пустяка, из-за красивой марки или хитрой железки разругаются так, что и видеть друг друга не могут. И уж, наверное, Николай Федоров не раз видел это, когда преподавал в школе. Так почему же такое не случается с его героями, может, они какие-нибудь особенно придуманные мальчики? Да просто им важна не та вещь, которую они мастерят и не новая интересная выдумка, главное — все это делается вместе. Вот как в повести «Ника». Помните ее конец? Когда Димка лежит в траве рядом с разбитым дельтапланом.

«Потом я лежал на траве рядом с обломками нашего дельтаплана. Ко мне с горы бежали папа, Вера, Мишка и мама. Они что-то кричали и махали руками. Я встал и тоже замахал руками и закричал:

— Я летел! Вы видели, я летел!»

И неважно в конце концов, что вдребезги разбит дельтаплан, и что одному Димке повезло слететь с горы. У настоящих друзей радости общие. И вот еще что: никому из ребят и в голову не приходит выяснить, а чьим же он будет, этот дельтаплан? Да, они всерьез заняты своей работой, им

по-настоящему хочется полететь, но главное, что они строят,— это их дружба.

Одна девочка в письме Николаю Тимоновичу написала о его героях: «Везде они поступают, как настоящие мужчины». И когда это читаешь, сначала кажется странным: мальчики-школьники и вдруг — настоящие мужчины. Что в них такого серьезного, взрослого? Только вот рассказ «Дуэль». Генка, герой рассказа, заступается за вреднющую девчонку по прозвищу Пилюля. Заступается, совсем не надеясь на то, что одолеет своего противника. Сплошными неприятностями оборачивается для Генки эта история. Даже Пилюля, за которую он вступился, оказывается против него, даже близкий друг не понимает, зачем все это?

«Зря ты, Геныч, связался с этим,— сказал я.— Нашел из-за кого на дуэли драться.

— Да я и не из-за нее,— тихо сказал Генка.— Я так, вообще... Нельзя же ни за что в человека огрызком кидаться. Пусть даже в Пилюлю».

Людей нельзя обижать вообще... Вот, оказывается, в чем дело. Когда так говорит мальчишка, из него вырастет настоящий мужчина.

У мира, в котором живут герои Федорова, есть и еще одна сторона. Ребята сталкиваются с ней неожиданно, как будто невзначай, и тем удивительнее бывают эти встречи.

Вот все тот же беспокойный Генка из рассказа «Петрарка» решает влюбиться. Не просто так, конечно, а для вдохновения.

«Представляешь, я влюбляюсь, как Петрарка, и у меня появляется вдохновение, и я становлюсь знаменитым поэтом или художником. А может, и ученым, и я открываю в ее честь новый вирус».

Нет, пока что Генка не открывает новый вирус, он делает учительнице подарок к 8 Марта. Совершенно непонятный подарок с точки зрения его верного друга Сергея.

«А вот что к этой подставочке было приделано, сказать трудно. Обыкновенный железный прут, который к тому же извивался будто червяк, а на конце было припаяно что-то вроде медных усов».

А дальше происходит чудо, потому что иначе и не скажешь, когда один человек до конца сумел понять другого.

«Какая прелесть,— тихо сказала она.— Стебелек и два только-только раскрывшихся листика.

Я посмотрел на скульптуру и замер. Вот это да! В одно мгновение Генкин Усатый червяк превратился в веточку с двумя маленькими листочками на конце. Почему же я раньше этого не разглядел? И как это она сразу все увидела?»

Еще не раз друзьям придется решать такие задачи — заново понимать привычное и простое, отыскивать красоту в обыкновенном.

Прочтите внимательно рассказы «При свече», «Ищу человека», повести «Таня», «Поход не отменяется»— как интересно и по-разному раскрываются в них ребята и взрослые.

Вот они ловят редкие кадры и совершенно уверены в том, что только «скрытой камерой» можно снять что-нибудь стоящее. Рассказ так и называется «Скрытой камерой».

Ребята рассматривают случайно получившийся снимок и как будто впервые видят знакомый дом. Оказывается, весь мир вокруг наполнен чудесами, а уж скрытая камера обязательно поможет их увидеть.

И когда с героем повести «На Аптекарском острове» вы окажетесь в оранжереях, читайте не торопясь. Николай Тимонович работал в Ботаническом саду и знает эту красоту не понаслышке.

Мы долго говорили с Федоровым о его героях и, наверное, говорили бы еще дольше, но за окном стало темнеть, и я засобирался. Я встал и увидел на высоком шкафу в углу что-то странное, какую-то не то бегущую, не то летящую фигуру. Я стоял, задрав голову, и все вспоминал, где же я это видел, а хозяин смотрел на меня и посмеивался. Он даже раскрыл рот, чтобы сказать, но тут я вспомнил.

«Это была бронзовая женщина на массивной цилиндрической подставке. Женщина, наклонившись всем телом вперед, стояла на одной ноге... Правая рука у нее была вытянута вперед, и в ней она держала какой-то предмет. Левая была отбита».

Ну да, конечно, это же древнеримская богиня Фортуна из повести «Ника». Я спросил:

— Она?

— Она,— ответил Федоров. И я не стал больше спрашивать ничего. Чему тут удивляться? Там, где живут его герои, еще много всяких диковин, а дорогу к ним писатель Николай Федоров знает.

Андрей ЕФРЕМОВ

Весёлый звонок

Составил и оформил Л. Каминский

У нас в классе было восемнадцать Дим и двадцать две Наташи. Другие имена не встречались.

Пришел к нам новенький.

— Как твоя фамилия, Дима?— спросила учительница.

— Коршунов,— ответил он.— Только я не Дима, а Вася.

— Не Дима?— учительница даже авторучку под стол уронила от удивления.

Новенький, конечно, ручку поднял и говорит:

— Да. Меня зовут Вася.

— Надо же,— покачала головой учительница. Кажется, так и не поверила. И мы все не поверили.

— Ты на самом деле Вася?— спрашивает на перемене Петрович.

— Документ предъяви, а то не поверим,— предлагает Григорьевна. (Мы друг друга по отчествам зовем — по именам, сами понимаете, смысла нет, а по фамилиям, учительница сказала, некультурно).

— Документы у меня есть,— отвечает новенький.— Вот дневник, вот книжечка ОСВОДа.

Посмотрели — вроде все правильно. Подлинные документы.

— И все-таки не пойму, почему тебя родители так назвали?— спрашивает Олегович.

— Так не могут же двух братьев одинаково звать. У меня брат старший — Дима. И еще сестра. Наташа.

— А, ну тогда другое дело,— с облегчением сказали мы — двадцать две Наташи и восемнадцать Дим.

Виктор ВЕРИЖНИКОВ

Не к обоям,
Не к белилам,
Пластилину на столе,
Свежекрашенным перилам,
Свежеваренной смоле,
Не к кисельной сладкой луже,
И не к липким почкам лип...
Наш Филипп — гораздо хуже —
К телевизору прилип!

Игорь ШЕВЧУК

Два события

Первый снег сегодня выпал,
Снег холодный,
Снег со скрипом.
...А у Веры, у Смирновой
Выпал зуб вчера в столовой!

Л. ФАДЕЕВА

Конкурс „И все засмеялись!“

Хорошие манеры

Во время классного часа мы говорили об этике и хороших манерах. Учитель обратился к Алеше:

— Представь, ты идешь в школу. Позади тебя идет девочка. Вот вы подошли к школьным дверям. Что ты должен сделать?

Алеша подумал и сказал:

— Обмести ноги!

И все засмеялись!

Света Тимашова,
пос. Добужа
Калужской области

Оригинальные прилагательные

На уроке русского языка Анна Семеновна вынула из портфеля пожелтевший осиновый листик и сказала:

— Вот листик. Какой? Называйте прилагательные.

Ребята вставали и говорили:

— Осиновый, желтый, осенний...

Тут встал Толя и сказал:

— С дыркой!

И все засмеялись!

Л. Строканова,
Мирный

Обиделся

— Безобразие, Синицын!— сказала учительница английского языка. — Ты опять явился через пять минут после начала урока! Интересно, почему это ты всегда опаздываешь на мой урок?

— Неправда,— ответил Синицын.

— Как неправда?— удивилась учительница.

— Я не только на ваш урок опаздываю!

И все засмеялись.

Эльвира Хозяхмедова,
7 класс,
с. Сайрам
Чимкентской области

Изобретательный Рома

Однажды я наблюдал, как мой брат Рома играл с котенком. Он привязал к нитке бумажку и стал махать ею перед носом котенка. Но у котенка, видно, не было настроения играть, и он не обращал внимания на бумажку.

Тут Рома взял бумажку и подошел ко мне.

— Напиши здесь крупно слово «сосиска»,— попросил брат.

— Зачем?— спросил я.

— Чтобы котенка заинтересовать!— ответил Рома.

И все засмеялись.

Дима Малахов,
Егорьевск

Ответы у доски

— Придумай однокоренное слово к слову «часы».

— Будильник.

— Что общего у человека с другими млекопитающими?

— У него тоже есть четыре лапы.

— Зачем Чичиков скупал мертвые души?

— Наверное, у него было такое хобби...

— Каких ты знаешь известных мореплавателей?

— Капитан Врунгель.

— Что такое гибрид?

— Это когда два вида растений соединяют в один, например — моркофель!

Прислали:
Сергей Оленичев,
Куйбышев;
Люба Ленец,
Долгопрудный;
Света Федотова,
Тула;
Сабина Масталиева,
Сумгаит,
Саша Михеев,
Орезыл

Рисунки Г. Ясинского

— Будем надеяться, что на этот раз мы благополучно возвратимся на Землю, — сказал профессор Карлоне.

Его надеждам не суждено было так быстро осуществиться: неожиданно Беньямино увидел в иллюминаторе странное облако. Когда аппарат путешественников приблизился к нему, все увидели, что облако состоит из множества воздушных шариков, к которым подвешены рекламные плакаты с надписями: «Посетите Артуро — звезду счастья!», «Приземлитесь на нашей звезде благополучия!», «Здесь царят доброта и довольство!».

Наши путешественники, конечно, захотели осмотреть такую звезду. Аппарат мягко опустился на небольшой холм, покрытый цветами, у подножья которого раскинулся небольшой городок и огромный парк с аттракционами. Едва путешественники вышли из корабля, как к ним подошел местный житель и вежливо приветствовал их. Он удивительно хорошо говорил по-итальянски. Впрочем, ничего удивительного не было в этом — жители Артуро были на высоком интеллектуальном уровне и свободно объяснялись на всех языках Вселенной. Звали жителя Тото. Он охотно стал отвечать на все вопросы путешественников.

— Пьетро! — воскликнула вдруг Даниэла.— Смотри — американские горы!

— И необычные,— сказал Тото,— на крутых поворотах вам в рот попадает шоколадка, а когда вы летите по прямой, вы получаете порцию мороженого.

— Чудеса! — прошептала Даниэла.

— Вовсе не чудеса,— сказал Тото.— Вы же на звезде счастья...

Тут внимание ребят привлекли огромные птицы.

— О, это наши друзья! — сказал Тото.— Они заменяют нам самолеты. Мы ведь ничего не умеем строить. Да нам и не нужно: все есть...

— А откуда вы берете хлеб и колбасу? — спросил Беньямино.

— Обратите внимание на наш лес. Такие необыкновенные деревья растут только у нас. Это наши продовольственные склады. Они поставляют нам не только апельсины и бананы, но даже— ветчину...

— Ну это невозможно! — возразил профессор Карлоне.— Окорока делают из свинины, а свиней все-таки выращивают из поросят...

— На счастливой звезде Артуро все возможно! Свиней у нас нет. Одни деревья. На тех — растут колбасы, сосиски и грудинка, на этих — вафли, шоколад и печенье...

— А откуда же вы берете молоко?— спросила осмелевшая Даниэла.— Коров тоже не видно...

— Одна корова у нас есть. Ее случайно забыли туристы с далекой планеты Парамбабуко. Из-за этой коровы в последнее время наша безоблачная счастливая жизнь стала слегка омрачаться...

— А что такое?— осторожно спросил профессор: он был воспитанный человек и не любил вторгаться в чужую частную жизнь, да еще людей с другой планеты.

— У нас появились дети, которым мало всего, что есть у нас. Они стали доить эту корову и пить молоко. А ведь у нас — звезда счастья и довольства и по ней текут молочные ручьи — пей сколько хочешь! Мало того, эти туристы забыли еще и удочки, и эти нарушители нашего спокойствия и благополучия — зовут их: Бобо, Коко и еще девчонка Лили — стали ловить рыбу! И это при наличии рыбного дерева!

Теперь они разжигают костры и пекут рыбу! А Лили еще и пасет корову, вместо того чтобы кататься на американских горах и глотать бесплатное мороженое. Мы даже решили посадить этих трех возмутите-

лей спокойствия и нашего безоблачного счастья в тюрьму, но у нас нет тюрем, мы не умеем их строить...— и Тото горестно покачал головой...

— А в каком классе учатся ваши Бобо, Коко и Лили? — спросила Даниэла.

— Они не учатся!— сказал Тото.— У нас никто не учится. И не работает. Мы живем на звезде счастья, где все есть. Нужно только спать, развлекаться, летать на огромных птицах и есть досыта...

И вот появились эти ослушники! И хуже всего, что многие ребята стали им кое в чем подражать... Уже появился на Артуро один огородник, копающий землю, два тюкающих по доскам каменными топорами строителя, ну и еще кое-кто... Они совсем забросили аттракционы! Исхудали! Много двигаются и, кажется, в последнее время договариваются переплыть Большое Озеро на самодельном плоту, питаясь собственноручно выращенной картошкой, выловленной рыбой и испеченными на костре лепешками. А потом они хотят подняться без помощи наших чудесных птиц на Большую Священную гору счастья... Это — на том берегу Большого Озера... Что делать — мы не знаем... Но это омрачает всеобщее счастье и благополучие на нашей звезде...

— И напрасно! — сказал профессор.— Вы тут так счастливы, что совершенно забыли о простой истине. Человек должен прилагать величайшие усилия, чтобы потом отдыхать, человек должен в поте лица трудиться, чтобы хлеб его был ему сладок и вкусен, и человек должен не просто получать много-много счастья, но бороться за него и побеждать трудности, которые непременно должны быть на его пути... Так что пусть ваши ребята взбираются на вершины, доят свою корову, плывут на плоту по бурному озеру — в этом тоже счастье... Вы, взрослые жители счастливой звезды,— забыли об этом за долгие годы и века безоблачного существования. И прекрасно, что ваши дети еще помнят об этом... Я бы, к примеру, просто умер бы у вас от скуки! Как можно ничего не делать?! Не читать книг, не смотреть в телескоп на звезды, не копаться в саду, не пасти скот, не выпекать хлеб... Нет, такая жизнь не по мне...

И Беньямино, Даниэла, Пьетро и марсианин согласно закивали головами.

— Дайте же нам слово,— сказал профессор,— что вы не будете чинить никаких препятствий вашим Бобо, Коко, Лили и остальным детям в их делах и начинаниях и тогда мы спокойно покинем вашу звезду.

— Пожалуй,— сказал Тото, глубоко задумавшись,— в ваших словах есть кое-какая истина. В последнее время, наблюдая, как ребята строят свой плот, я тоже загрустил и никак не мог понять, почему? Но теперь начинаю понимать...

— Вот и отлично!— сказал профессор.— Надеюсь, что мы еще увидимся: ваши ребята построят большой межпланетный корабль, и вы побываете на нашей Земле. Может быть, у нас и не так много счастья и благополучия, как у вас, но смею уверить, Земля — тоже неплохая планета... А теперь — нам пора в путь!

И летающая тарелка взяла курс на далекую, горящую голубоватым светом Землю...

Пересказ с итальянского по книге Сильвио Джильи

И. КОНСТАНТИНОВОЙ

ПРИЕМ ЗАЯВОК ОТКРЫТ!

Новый чемпионат разведчиков АРЧЕБЕКа начнется в январе, и шахмат-адмирал Ферзьбери торжественно объявляет: тот, кто не боится вступить в это состязание, уже может послать заявку. **Каждый пославший ее будет принят.**

А как заявку писать? Нет ничего проще: возьми открытку и начни — «Прошу включить меня...»; дальше слова сами придут на ум.

В чемпионате разведчики будут соревноваться:

за звание чемпиона славной Армии Разведчиков Черно-Белых Клеток (АРЧЕБЕК);

за дипломы и призы;

за спортивные разряды.

А тех, кто еще не умеет играть, зачислят в Отряд резерва, где они получат необходимую подготовку.

Вступайте в АРЧЕБЕК! Включайтесь в Чемпионат-86!

(Адрес: 193024, Ленинград, Мытнинская, 1/20, «Костер», АРЧЕБЕК).

КОМУ ДОСТАЛСЯ «МАЙСКИЙ ПРИЗ»?

Сначала о решениях. Во всех задачах этого конкурса («Костер» № 5, автор А. Шапошников, г. Горький) мат дается в 2 хода, для чего нужно пойти: **в № 1** — 1 Лb7!, **в № 2** — 1 Ле3!, **в № 3** — 1. c3!, **в № 4** — 1. Ла8!, **в № 5**— 1. f8С!

А вот кто стал призером: за № 1 — Женя Пармузин (Старый Оскол), за № 2 — Олег Титеев (Ессентуки), за № 3 — Ира Никитина (Уфа), за № 4 — Милена Косяк (Лентварис), за № 5 — Сережа Величко (ст. Георгиевская), за решение всех пяти задач — Витя Синопальников (Волжский).

Верные решения прислали и многие другие участники конкурса — **всем им шахмат-адмирал Ферзьбери выносит благодарность!**

УГОЛОК ЗАЯДЛЫХ СПОРЩИКОВ

Дима поставил на доску фигуры и сказал:

— Ну, кто решит? Кто даст мат в...

— Какой мат?? Кому давать мат??— перебил Коля.

— Как — «кому»? Черному королю, конечно.

— А где же этот король? В твоем кармане?— засмеялся Петя.

Дима посмотрел: действительно, на доске короля не было. Куда он делся? Упал с доски? Или кто-то из ребят ради шутки незаметно убрал его? Спорщики принялись искать короля... А пока они его ищут, вам, доблестные разведчики, предлагается ответить на вопрос: на какое поле следует поставить тут черного короля, чтобы удалось дать ему мат в наименьшее число ходов?

Среди ответивших верно будет разыграна шахматная книжка с автографом гроссмейстера.

СТОЛ НАХОДОК

Сюда были доставлены две позиции победителей прежних чемпионатов АРЧЕБЕКа. Вот такие.

А. (Вячеслав Антипов, Боровичи). Белые: Крd3, Фh1, Кd1; черные: Крc1, пп. c2, d2.

Б. (Юрий Селявкин, Воронеж). Белые: Крc1, Лg1, пп. c2, e2, g4, h2; черные: Крa1, пп. a2, a4, c3, e4, g5, g6, h3.

Вячеслав предлагает найти мат в 2 хода, а Юрий — в 18. Первую задачу решат многие, а вот вторую... Неужели никто? Ну-ка, разведчики, покажите на что вы способны!

ТРЕНИРОВОЧНАЯ КАБИНА

Заходите! Здесь вас ждут интересные шашечные позиции — не всякий раскусит эти орешки. А все же — кто?

А. (В. Левицкий, Донецк). Белые: a5, c1, d6, f4, g3, h4; черные: b4, b8, c3, c5, f6. Белые выигрывают.

Б. (В. Монсма, Голландия). Белые: 19, 24, 25, 41, 44, 48; черные: 8, 9, 10, 32, 36, 38. Белые выигрывают.

БЮРО САМОПРОВЕРКИ

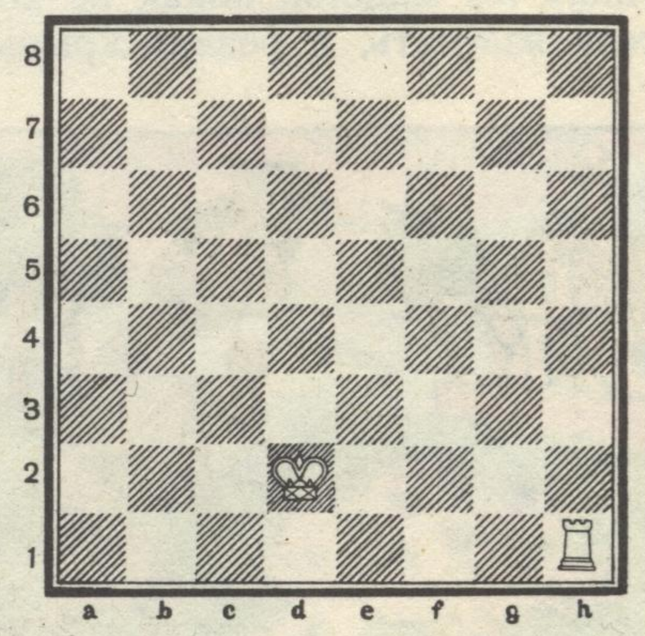
Задачи в «Костре» № 8 решаются так:

Чемпионат. ШХМ. А. 1. Фd6! Кр:f5 2. d3; 1... cb 2. Фc5; 1...c5 2. Фf4+ **Б.** 1. Лf3! Крd5 2. Cb5! **В.** 1. Ке8! Кр:h5 2. Kg7+ Крh4 3. Крf4. **Г.** 1. Фd7+ Фb5 2. Фd4+ Фb4 3. Фd3! **Д.** 1. Cd5+ Кр:d5 2, ed g2 3, d8К! **Е.** 1. a7 Лg2+ 2. Крb1! Лg1+ 3. Ce1!

РШ. А. 1. e5! f6 2. g7X. **Б.** 1. b4! 2. cd2! 3. c3! 4. e3X. **В.** 1. f8 d2 2. b2!X. **Г.** 1. cb4! 2. b4! 3. f4!X. **Д.** 1. g7—h6! a3 2. c5!X; 1...b8 2. f8X. **Е.** 1. f6! g5 2. ed2! 3. cb2! 4. b2!X.

МШ. А. 1. 3 13 2. 20! 32 3. 15X. **Б.** 1. 32—27 2. 9 3. 28! 4. 8 33 5. 3 39 6. 17! 43 7. 26—21! 49 8. 16!X. **В.** 1. 13! 2. 2 49 3. 38! 4. 35X. **Г.** 1. 19 2. 3 3. 26 43 4. 48! 49 5. 30!X. **Д.** 1.22 2. 2 40 3. 33! 4. 29!X. **Е.** 1. 22! 2. 44! 3. 49!X.

Резерву. 1. Лh5! После этого хода черным не спастись.

МЕДОВЫЕ ПРЯНИКИ, расписанные глазурью, — одно из старинных русских лакомств. Готовились они на все народные праздники. Положенный в красивую коробку или завернутый в целлофан, такой пряник может стать хорошим новогодним подарком.

Для ПРЯНИЧНОГО ТЕСТА положи в миску 1 стакан меда (если засахарился, разогрей, но не кипяти — пропадет аромат, замешивай охлажденным), 50 г перемятого масла или маргарина, 2 яйца. Перемешав все, добавь 3 стакана муки, смешанной с $^1/_2$ чайной ложки соды. Замеси не очень крутое тесто: должно не слишком липнуть к рукам и столу, легко лепиться. Очень мягкое тесто при выпечке расплывется, пряник будет бесформенным. Посыпь мукой тесто и стол, раскатай на нем тесто скалкой в ровный пласт. Вырежи ножом нужный контур пряника. Перед выпечкой для блеска смажь его яичным желтком, сразу после выпечки — протри салфеткой. Для получения темного пряника в мед добавляют жженый сахар — жженку.

Для ЖЖЕНКИ насыпь на сковороду 1 столовую ложку сахарного песка, помешивая, нагрей на небольшом огне, пока сахар не станет темно-коричневым и не начнет выделяться дым. Постепенно влей $^1/_2$ стакана горячей воды и мешай до растворения комков. Процеди через марлю.

Теперь займемся ГЛАЗУРЬЮ. В 1 стакан сахарной пудры влей 3 столовые ложки воды (вместо воды можно взять 3 яичных белка), нагрей, помешивая, до 40°. Если глазурь густа — добавь воды, жидка — сахарной пудры. Коричневая глазурь получится при добавлении порошка какао, крепкого настоя кофе, жженки. Красную и розовую окраску можно получить, добавив сок или сироп варенья из клубники, клюквы, смородины, вишни. Оранжевую краску дает сок апельсина. Глазурь наносят на пряник кисточкой и подсушивают его в нежаркой духовке.

ДЕД МОРОЗ, которого ты видишь на рисунке,— КОРОБКА ДЛЯ ПОДАРКА. Сам подарок завернут в гофрированную бумагу, перевязанную ленточкой. Вот и получился колпачок для Деда Мороза. Не правда ли, такое оформление подарка лучше, чем бумажная обертка? Вынув подарок и восстановив колпачок, Деда Мороза захочется поставить под елку.

Рисунки
Ю. Беломлинской

Один из первых полетов на аэроплане в Европе совершил изобретатель Ганс Граде из Магдебурга, в 1908 году. Построенная им машина никак не хотела взлетать, и резала крыльями траву, за что даже получила прозвище «сенокосилки». Но однажды по полю шла крестьянка, Граде заметил ее слишком поздно, в ужасе он так резко потянул ручку управления на себя, что аэроплан... взлетел.

Одна газета ФРГ не поленилась изучить темы диссертаций, защищенных в стране учеными. Докторами наук стали авторы даже таких трудов: «Зубные щетки за последние 100 лет» и «Влияние 20-минутного бега по кругу на дыхание свиней швабской породы». «Увы! Увы!» — заканчивалась статья в газете.

Когда Жюль Верн плыл через Атлантику на огромном (тогда самом большом в мире) пароходе «Грейт Истерн», он попросил матроса объяснить ему название шести мачт судна.

— Мачта — понедельник, мачта — вторник... и так далее до субботы, месье!

— А почему не поставили для полного комплекта и седьмую мачту — воскресенье?— спросил писатель.

— В море нет выходных дней!— гордо ответил моряк.

ЗА СЕМЬЮ ПЕЧАТЯМИ

КОНКУРС КРОССВОРДОВ

Сегодня мы печатаем сразу два кроссворда.

Вот кроссворд «История» **Юли Новогрудской** из Белгорода:

По горизонтали: 2. Древнегреческое сооружение для проведения соревнований. 4. Богиня цветов в древнеримской мифологии. 5. Египетский фараон, для которого была построена самая высокая пирамида. 7. Поселение людей, переселившихся из другой страны.

По вертикали: 1. Древнее изображение какого-либо божества. 2. Предводитель восстания рабов в Древнем Риме. 3. Столица древней Ассирии. 6. Мифический предводитель аргонавтов.

Второй прислала **Роза Закирова** из поселка Вахтон Горьковской области. Ее кроссворд является самым простым по форме, хотя и не самым легким. Ваша задача — вписать по горизонтали от цифр разгаданные слова, а в выделенных клетках вы прочтете название вулкана в Эквадоре.

Итак, кроссворд «География» **Розы Закировой!**

1. Животное, похожее на небольшого безгорбого верблюда.
2. Дикая собака.
3. Древний обитатель Великобритании.
4. Залив с высокими крутыми берегами.
5. Лесостепь в Северной Америке.
6. Хвойное дерево в Южной Америке.
7. Птица.
8. Хищная рыба, обитающая в Амазонке.

Оформление А. Януса

ВЕЛОСИПЕДНЫЕ ГОНКИ

Два велосипедиста участвуют в гонках по круговой дорожке. Один из них делает полный круг за 6 минут, а второй — за 4.

Через сколько минут второй велосипедист обгонит первого?

ОТВЕТЫ НА ЗАДАНИЯ № 10

КРИПТОГРАММА. I. Лад. II. Щит. III. Шаг. IV. Эхо. V. Соя. VI. Сук. VII. Рой. VIII. Гну.

Хороший друг — это настоящий клад.

БЕЛКА НА ДЕРЕВЕ.

10 метров.

ПРЕВРАЩЕНИЕ СЛОВ

Луна — луза — лоза — коза — кора — кура — тура — тара — фара — фарс — Марс.

Главный редактор С. В. САХАРНОВ

Редакционная коллегия:
Л. А. БОГАЧУК, В. М. ВЕРХОВСКИЙ, Ю. Н. ЗАРУДНЕВ (зам. главного редактора), О. П. ОРЛОВ, А. И. ПАНТЕЛЕЕВ, Р. П. ПОГОДИН, Е. В. СЕРОВА, Н. И. СЛАДКОВ, А. Я. ТОЛСТИКОВ (отв. секретарь), Г. П. ЧЕРНЫЙ, Г. М. ЧЕРНЯКОВА

Художник-редактор А. Н. АЗЕМША **Технический редактор В. И. МЕЦАТУНОВА** **Корректор Д. Г. ЛАЗДАН**

Адрес редакции: 193024, Ленинград, ул. Мытнинская, 1/20, телефон: 274-15-72

М-17190. Сдано в набор 05.08.85. Подписано к печати 14.10.85. Формат 60×90¹/₈. Печ. л. 6. Усл. печ. л. 6. Уч.-изд. л. 7,9. Печать офсетная. Тираж 970 000 экз. Заказ 4899. Цена 30 к.

Ленинградская фабрика офсетной печати № 1 Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197101, Ленинград, ул. Мира, 3.

30 к.
Индекс 70445

НЕТ ПОСЛЕДНЕЙ ВЫСОТЫ

МАРШ ВСЕСОЮЗНОГО СПОРТИВНОГО КЛУБА «КУЗНЕЧИК»

Музыка Ю. Корнакова **Слова В. Верховского**

«Кузнечик» поселился по соседству —
Без тренировок не бывает дня.
Наверно, всем ребятам дарит детство
По искре олимпийского огня.
Горит она — и сил в душе с избытком,
Горит она — и сбудутся мечты,
И есть у нас последняя попытка,
И нет у нас последней высоты!

ПРИПЕВ:

Привет, «кузнечики»,
Физкульт-привет!
Ждут все болельщики
От вас побед!
Рекордной поступью
Шагай вперед,
Спортклуб «кузнечиков»,
Советский спорт!

Что помнят о победах чемпионы?
Что смогут рассказать они тебе?
Что в спорте очень мало побежденных
И много рано сдавшихся в борьбе.
Держись, когда усталость, словно пытка,
Когда другим удача и цветы.
И есть у нас последняя попытка
И нет у нас последней высоты!

ПРИПЕВ:

Бушуют и ликуют стадионы
Восторг и удивленье не тая,
Приходят и уходят чемпионы,
И наступает очередь твоя.
И планка, как серебряная нитка,
И перед ней не кто-нибудь, а ты!
И есть у нас последняя попытка,
И нет у нас последней высоты!

ПРИПЕВ:

Счастливцы на ступенях пьедестала,
Сегодня вы добились своего.
Но завтра — новый старт и все сначала,
И завтра неизвестно, кто кого.
И вьется флаг, цветами радуг выткан,—
Пять радуг — пять колец большой мечты.
И хорошо, что есть еще попытка
И нет у нас последней высоты!